

РОБЕРТ СОЙЕР

18+

О П П Е Н Г Е Й М Е Р

А Л Ь Т Е Р Н А Т И В А

Творческая перестройка
фантазмагорической реальной
биографии в фантазмагорическую
альтернативную историю.

Мартин Дж. Шервин

FANZON

Роберт Джеймс Сойер
Оппенгеймер. Альтернатива
Серия «Fanzon. Роберт
Сойер. Образы будущего»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70245751
Оппенгеймер. Альтернатива: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197984-3*

Аннотация

Новая книга Роберта Сойера, лауреата множества премий, таких как «Хьюго», «Небьюла» и «Аврора».

Пока Роберт Оппенгеймер и его команда по Манхэттенскому проекту бьются над созданием атомной бомбы, Эдвард Теллер мечтает о еще более разрушительном оружии, основанном на ядерном синтезе – механизме, который питает Солнце.

Исследования Теллера приводят к ужасающему открытию: к 2030 году Солнце выбросит свой внешний слой, уничтожив Землю.

После бомбардировки Японии и конца войны команда Оппенгеймера, а также Альберт Эйнштейн и Вернер фон Браун объединяются – величайшие научные гении прошлого века начинают войну со временем, чтобы спасти наше будущее.

Наполненный тщательными исследованиями и насыщенный реальными персонажами, роман «Оппенгеймер. Альтернатива» –

это захватывающее дух приключение в реальной и альтернативной истории.

«Мне понравилось! Я хорошо знаю историю этого периода и, более того, отделен от многих из персонажей романа всего одним-двумя рукопожатиями. Образы Сойера кажутся мне правдивыми. Рад, что стал одним из первых читателей этой книги!» – Ли Смолин, автор бестселлера «The Trouble with Physics»

«Творческая перестройка фантазмагорической реальной биографии в фантазмагорическую альтернативную историю. Поклонники Оппенгеймера будут заинтригованы». – Мартин Дж. Шервин, соавтор удостоенной Пулитцеровской премии биографии «Американский Прометей: триумф и трагедия Дж. Роберта Оппенгеймера»

«Поистине научно-фантастическое произведение альтернативной истории, основанное на решениях – и открытиях – великих физиков, написавших историю 20-го века: Эйнштейна, Ферми, Гёделя и Оппенгеймера. Яркие воплощенные, глубоко человеческие персонажи, населяющие этот роман, дают блестящим размышлениям автора человеческую жизнь и кровь. Я прочитал эту книгу залпом и рекомендую вам сделать то же самое. Теперь же я намерен перечитать ее. Bravo!» – С.М. Стирлинг

«Мне чрезвычайно понравилось! Действительно здорово, даже не замечаешь, как листаешь страницы. Я как попал на крючок в начале, так и оставался до конца. Еще одно прекрасное дополнение к знаменитым книгам Сойера!» – Андре Борманис, продюсер сериалов «Орвилл» и «Космос»

«Искусное и увлекательное сплетение нитей истории с подлинными персонажами середины 20-го века для создания

увлекательного вымышленного повествования». – Джем Роллс, автор пьесы «Изобретатель всего» о Лео Силарде

«Соьер блестяще и пронзительно изображает борьбу ученых, которые сами все это затеяли и, следовательно, были вынуждены нести неподъемное бремя». – Джеймс Кристи, председатель проекта «Ploughshares», участник Международной кампании за ликвидацию ядерного оружия, удостоенной Нобелевской премии мира

«Соьер превзошел самого себя! Никто не смог бы взяться за этот проект с таким энтузиазмом и так углубиться в поиск истины, как этот выдающийся писатель. Я не читал еще столь полного и захватывающего повествования о жизни и деятельности Оппенгеймера». – Джонас Сол

«Лучшая, на мой взгляд, из всех книг Соьера, с блестящими как исторической, так и научно-фантастической частями. Чрезвычайно умная экстраполяция, которая естественным образом проистекает из исследований, проведенных чрезвычайно умными людьми на пути к развитию атомной эры. И после того, как вы закончите читать роман, эти люди останутся в вашей памяти такими, какими они были на самом деле. Достойный претендент на награду!» – Amazing Stories

«Соьер проделал великолепную работу. Каждый персонаж появляется со страницы, полностью включенным в свою эпоху и неразрывно связанным с остальными. Книга насыщена глубокими эмоциями. Этот прекрасный роман наглядно демонстрирует свою актуальность для современности». – Locus

«Впечатляющее использование научных и исторических деталей и характеристика Соьером самого человека приоткрывают завесу над моральными устоями, гениальностью

и несчастьем Оппенгеймера. Поклонники научной фантастики с удовольствием прочтут эту книгу, в которой, наряду с фактами, содержатся взвешенные беллетристические элементы и фантастические допущения». – Publishers Weekly

«Превосходное сочетание точных научных сведений, альтернативной истории и душевной и умственной жизни одного из виднейших людей 20-го века. Настоятельно рекомендуется». – Sci-Fi Bulletin

«Каждый персонаж в этой книге – реальный человек. И это чистая правда. Даже некоторые диалоги реальны. Это одна из самых впечатляющих книг, с которыми я сталкивался. Я не могу себе представить, сколько исследований ушло на то, чтобы придать каждому персонажу правдоподобный голос и индивидуальность (на самом деле, могу, библиография на моем телефоне занимает 30 страниц), но ведь это Роберт Дж. Сойер, так что, возможно, мне не стоит удивляться. В некотором смысле книга напомнила мне пьесу Майкла Фрейна "Копенгаген" с массой острых ощущений, крутыми ракетами и сценарием конца света в придачу». – Сильвен Невель

«Можете назвать это альтернативной историей или альтернативной астрофизикой (или и тем, и другим). Какой бы термин ни выбрали, это потрясающая книга». – Эрик Флинт

«Роман столь же обширный, как и физика (и физики), под чьим руководством был запущен оригинальный проект "Орион"». – Джордж Дайсон, автор книги «Проект Орион: Атомные космические корабли 1957—1965»

«Обилие деталей придает роману Сойера обоснованную правдоподобность, необходимую для того, чтобы осуществить беллетризацию событий, размышляя о внутренней жизни

персонажей, значении сделанных ими открытий и их философском влиянии. Сойер использует деловой стиль, напоминающий стиль Айзека Азимова или Бена Бовы, что облегчает ориентирование в повествовании. Результатом стал реалистичный и интригующий взгляд на личность Оппенгеймера и его работу». – Booklist

«Бывают писатели, которые, даже если не пишут одну и ту же книгу снова и снова, пишут очень похожие книги. Не таков Роберт Сойер, который сочетает огромное воображение с обширными исследованиями. Пишет ли Сойер о динозавре Галилее, неандертальцах-атеистах или о самосознающей Всемирной паутине, он оживляет своих персонажей и мир, в котором они живут. Если у книг Сойера и есть что-то общее, помимо их общего совершенства, так это его забота о морали и определении правильных поступков. В данной книге эта озабоченность отражена в дискуссиях по поводу ядерной бомбы и грядущего сохранения конца света в большом секрете от обычных людей. "Альтернатива Оппенгеймера" понравится любителям исторических романов, действие которых разворачивается в недавнем прошлом. Поклонники альтернативной истории, которые готовы некоторое время подождать возникновения вымышленной сюжетной линии, будут вознаграждены за свое терпение. Читатели, интересующиеся наукой, а также взаимоотношениями ученых, также найдут много интересного». – SFRevu

Содержание

Действующие лица	9
Примечание автора	16
Пролог	17
Глава 1	19
Глава 2	30
Глава 3	39
Глава 4	52
Глава 5	60
Глава 6	69
Глава 7	82
Глава 8	89
Глава 9	99
Глава 10	106
Глава 11	113
Глава 12	126
Глава 13	137
Глава 14	149
Глава 15	159
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Роберт Сойер Оппенгеймер. Альтернатива

*Посвящается Алише Суйе, сделавшей лучше и
эту книгу, и меня*

Robert J. Sawyer
THE OPPENHEIMER ALTERNATIVE

Copyright © 2020 by Robert J. Sawyer

Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House

© Гришин А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Действующие лица

Луис Альварес (1911–1988) – американский физик, нобелевский лауреат 1968 г.

Степан Захарович Апресян (1914–1995) – советский дипломат и шпион; вице-консул в Сан-Франциско.

Кеннет Бейнбридж (1904–1996) – американский физик, участник Манхэттенского проекта, руководитель испытаний «Тринити».

Ханс Бете (1906–2005) – немецкий и американский физик, нобелевский лауреат 1967 г.

Патрик Блэкетт (1897–1974) – британский физик, куратор Роберта Оппенгеймера в кембриджской Кавендишской лаборатории, нобелевский лауреат 1948 г.

Нильс Бор (1885–1962) – датский физик, нобелевский лауреат 1922 г.

Ванневар Буш (1890–1974) – руководитель Управления научных исследований и разработок США.

Джеймс Ф. Бирнс (1882–1972) – государственный секретарь при президенте Гарри С. Трумэне.

Барбара Шевалье (1907–2003) – первая жена Хокона Шевалье.

Хокон Шевалье (1901–1985) – американский ученый, профессор французской литературы Калифорнийского университета в Беркли, переводчик на Нюрнбергском процессе.

Роберт Кристи (1916–2012) – американский физик (родился в Канаде).

Артур Холли Комптон (1892–1962) – американский физик, нобелевский лауреат 1927 г.

Эдвард Кондон (1902–1974) – американский физик.

Уотсон Дэвис (1896–1967) – редактор в Обществе научных исследований.

Пир де Сильва (1917–1978) – офицер службы безопасности Манхэттенского проекта.

Вальтер Дорнбергер (1895–1980) – генерал-майор, военный руководитель ракетной программы «Фау-2» нацистской Германии.

Хелен Дукас (1896–1982) – секретарша Эйнштейна, проживавшая в его доме.

Фримен Дайсон (1923–2020) – американский физик (родился в Великобритании).

Альберт Эйнштейн (1879–1955) – швейцарский, а затем американский физик (родился в Германии), нобелевский лауреат 1921 г.

Джордж Ч. Элтентон (1905–1991) – британский инженер-химик (как некоторое время считали, на самом деле физик), сотрудник калифорнийской фирмы «Шелл девелопмент», завербовавший Хокона Шевалье в интересах СССР.

Уорд В. Эванс (1880–1957) – член комиссии по благонадежности Комиссии по атомной энергии (1954).

Энрико Ферми (1901–1954) – итальянский и американ-

ский физик, нобелевский лауреат 1938 г. В 1942 г. осуществил в Чикагском университете первую управляемую ядерную реакцию.

Ричард Фейнман (1918–1988) – американский физик, нобелевский лауреат 1965 г.

Ллойд К. Гаррисон (1897–1991) – американский юрист, представлявший интересы Оппенгеймера перед комиссией по вопросам безопасности Комиссии по атомной энергии (1954).

Курт Гёдель (1906–1978) – австрийский и американский математик и логик.

Гордон Грей (1909–1982) – председатель комиссии по вопросам безопасности Комиссии по атомной энергии (1954).

Лесли Р. Гровз (1896–1970) – генерал, руководитель Манхэттенского проекта.

Бурк Хикенлупер (1896–1971) – сенатор США, один из первых председателей Объединенного комитета по атомной энергии Конгресса США.

Верна Хобсон (1923–2004) – секретарша Роберта Оппенгеймера в Институте перспективных исследований.

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) – директор Федерального бюро расследований.

Дитер Хуцель (1912–1994) – немецкий ракетчик, работавший под руководством Вернера фон Брауна.

Льялл Джонсон (1914–2006) – лейтенант, американ-

ский контрразведчик, руководивший оперативным надзором за кампусом Университета Калифорнии, Беркли.

Линдон Б. Джонсон (1908–1973) – 36-й президент США (22 ноября 1963 – 20 января 1969 г.)

Джордж Кистяковски (1900–1982) – американский физик (родился в Российской империи), руководитель отдела обычных взрывчатых веществ в Лос-Аламосе.

Энн Уилсон Маркс (1924–2006) – секретарша Роберта Оппенгеймера в Лос-Аламосе.

Герберт Маркс (1907–1960) – адвокат Роберта Оппенгеймера (и муж Энн).

Кеннет Николс (1907–2000) – подполковник (позднее генерал-майор), д-р философии по гражданскому строительству, помощник генерала Гровза, позднее – главный управляющий Комиссии по атомной энергии.

Дж. Роберт Оппенгеймер (1904–1967) – американский физик, научный руководитель Лос-Аламосской лаборатории Манхэттенского проекта, директор Института перспективных исследований.

Кэтрин «Китти» Оппенгеймер (1910–1972) – немецкий и американский ботаник, жена Роберта Оппенгеймера.

Кэтрин «Тайк» Оппенгеймер (1944–1977) – младший ребенок Роберта и Китти; в более старшем возрасте – «Тони».

Питер Оппенгеймер (р. 1941) – старший ребенок Роберта и Китти.

Уильям С. «Дик» Парсонс (1901–1953) – заместитель директора Лос-Аламосской лаборатории при Оппенгеймере, участвовал в полете «Энолы Гей» как техник по вооружению; после войны получил звание контр-адмирала.

Борис Паш (1900–1995) – подполковник, офицер военной разведки США, один из командиров миссии «Алсос» в Германии.

Исидор Айзек Раби (1898–1988) – американский физик (родился в Австро-Венгерской империи), нобелевский лауреат 1944 г.

Роджер Робб (1907–1985) – судебный поверенный Комиссии по атомной энергии.

К. Артур Роландер, мл. (1920–2017) – заместитель директора по вопросам безопасности Комиссии по атомной энергии, затем вице-президент «Дженерал атомик».

Роберт «Боб» Сербер (1909–1997) – американский физик, близкий сотрудник Роберта Оппенгеймера.

Рита «Пэт» Шерр (1916–1997) – жена физика Рубби Шерра; нянчила дочь Роберта Оппенгеймера.

Роберт Спроул (1891–1975) – президент Калифорнийского университета, Беркли.

Генри Л. Стимсон (1867–1950) – военный министр США во время Первой и Второй мировых войн.

Льюис Л. Штраус (Стросс) (1896–1974) – председатель Комиссии по атомной энергии.

Лео Силард¹ (1898–1964) – немецкий и американский физик (родился в Венгрии).

Джин Тэтлок (1914–1944) – д-р медицины, американская коммунистка, любовница Роберта Оппенгеймера.

Тед Тейлор (1925–2004) – американский физик (родился в Мексике); работал в Лос-Аламосе, позднее возглавил проект «Орион».

Эдвард Теллер (1908–2003) – немецкий и американский физик (родился в Венгрии), известный как «отец водородной бомбы».

Чарльз Тоуби (1880–1953) – сенатор США.

Гарри С. Трумэн (1884–1972) – 33-й президент США – 12 апреля 1945 – 20 января 1953 г.

Гарольд Юри (1893–1981) – американский физикохимик, нобелевский лауреат 1934 г.

Джозеф Вольпе (1914–2002) – юрисконсульт Комиссии по атомной энергии.

Магнус фон Браун (1919–2003) – младший брат Вернера фон Брауна.

Вернер фон Браун (1912–1977) – немецкий и американский конструктор ракетной техники.

Джон фон Нейман (1903–1957) – американский математик и физик (родился в Венгрии).

Генри А. Уоллес (1888–1965) – вице-президент США

¹ Фамилию этого выдающегося ученого многие годы передавали по-русски ошибочно: Сцилард. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перевод.)

при Гарри Трумэне.

Примечание автора

Все персонажи романа являются реально существовавшими историческими персонами; все они, за исключением Питера Оппенгеймера, уже покинули этот мир. Манхэттенский проект и проект «Орион» проводились именно так, как рассказывается в книге, а Институт перспективных исследований существует до сих пор.

Все эпиграфы, предшествующие главам, взяты из опубликованных источников; некоторые диалоги действующих лиц текстуально воспроизводятся по опубликованным воспоминаниям, официальным стенограммам, данным тайной прослушки и звукозаписям и тому подобным источникам.

Именно об этом и пишут романы. Рассматриваются драматический момент и предшествующая биография человека, формирующая его как личность и диктующая ему конкретный образ действий. Вот этим вы здесь и занимаетесь. Вы составляете жизнеописание человека.

И. А. Раби; показания на слушаниях комиссии по благонадежности по делу Роберта Оппенгеймера

Пролог

Какие емкие слова, подводящие итоги жизни Дж. Роберта Оппенгеймера, могли прозвучать перед тем, как урна с его прахом ушла на дно океана?

Возможно, это был бы поэтичный рассказ о не по годам развитом ребенке, который в двенадцать лет прочитал лекцию в респектабельном Нью-Йоркском минералогическом клубе? Может быть, внимание стоило уделить его восхождению к славе «отца атомной бомбы» в 1945 году, а затем посоветовать на охоту на ведьм эпохи Маккарти, когда его лишили допуска к секретной информации? Можно было даже добавить пару слов о его якобы спокойном закате, когда он руководил тихим, как монастырь, Институтом перспективных исследований в Принстоне.

А потом Китти Оппенгеймер, миниатюрная алкоголичка, для которой Роберт был четвертым из пяти официальных и неофициальных мужем (но и брак с ним оказался для нее самым продолжительным), уже ничего не говорила, поскольку с неба мириадами бомб обрушился ливень. В тот монохромный февральский день 1967 года она перегнулась через фальшборт катера, вышедшего от стоявшего на краю пляжа бунгало Оппенгеймеров с нею, двадцатидвухлетней дочерью и двумя друзьями на борту в залив Хокснест, и через несколько секунд выпустила урну из рук.

Удивительно, но урна утонула не сразу. Она еще довольно долго поднималась и опускалась, будто ничего не весила, — сами волны произносили легендарному физику последний синусоидальный панегирик. Но в конце концов вода все же просочилась под неплотную крышку вместилища праха, и оно плавно погрузилось под беспокойную поверхность моря.

Глава 1

1936

Я должен кое-что объяснить насчет Оппи: примерно каждые пять лет у него случался личностный кризис; он серьезно менялся. Скажем, когда я знал его в Беркли, он был романтичным, радикально настроенным человеком божьего типа, вдумчивым ученым...

Роберт Р. Уилсон, американский физик

– Ты приносишь мне несчастье, – сказал Хокон Шевалье. – Надеюсь, ты и сам это понимаешь.

Роберт Оппенгеймер посмотрел на друга, сидевшего рядом с ним на розово-зеленом диванчике в углу гостиной, где шумела вечеринка. Сам Оппи думал совсем наоборот. Хок приносил ему лишь удачу; в том числе благодаря ему он поселился в этом необычном доме на Шаста-роуд.

– Да что ты?

– Да, так оно и есть! Когда я где-то бываю без тебя, то всегда оказываюсь *самым* привлекательным.

Оппенгеймер коротко хохотнул. Шевалье, которому только-только исполнилось тридцать пять, на три года старше его, был красив, как киногерой. Овальное лицо с широко расставленными глазами, зачесанные назад светло-русые волосы делали его похожим на аристократов эпохи Людови-

ка XV, и это впечатление усугублялось галантной манерой поведения, соответствовавшей его фамилии².

Оппи знал, что сам вовсе не таков – тощий, долговязый, угловатый, с вечно растрепанными жесткими черными волосами, с походкой неуклюжей, как у утки, – один друг сказал, что он как будто все время падает вперед или, иными словами, кувыркается в будущее.

– Видишь вон ту? – продолжал Хок, указав на девушку чуть заметным кивком. – За все время, пока мы находимся здесь, она ни разу не посмотрела на меня, зато на тебя... – Шевалье покачал головой с наигранным негодованием. – Это все из-за твоих глаз, чтоб им!.. Сверкаешь тут своими опалами...

Оппи привык к комплиментам по поводу своих бледно-голубых глаз; их нередко называли прозрачными или светящимися, но эта метафора оказалась для него новой. Он улыбнулся, повернул голову, чтобы взглянуть на женщину, на которую указывал Хок, и...

И, мой бог, он ведь уже видел это милое лицо – он был твердо уверен в этом. Но где?

– Ого! – вполголоса воскликнул Оппи.

– Вот именно, что ого, – согласился Хок. – И как смотрела на тебя, так и продолжает. Так что придется тебе подойти и познакомиться.

– Я... м-м-м...

² Фамилия Шевалье происходит от французского *chevalier* – рыцарь, кавалер.

– О, ради всего святого... Роберт, иди уже! Ты изучаешь великие тайны вселенной, а девушки по сравнению с ними совсем просты.

Хок преподавал французскую литературу в кампусе Калифорнийского университета в Беркли. Оппи там же преподавал физику. Как правило, представители столь разных специальностей мало общаются между собой – у них просто нет общих интересов, – но Оппи любил французскую поэзию, и они быстро и крепко подружились. У Хока было одно заметное преимущество – среди его слушателей было много студентов (на одной из них он женился), тогда как в тех кругах, где вращался Роберт, женщин было очень мало.

– Действуй, – продолжал подзуживать его Хок. – Сделай что-нибудь такое, о чем стоило бы рассказать Барб, когда я вернусь домой. Попытай удачи.

Удачи... Эйнштейн как-то сказал, что Бог не играет в кости со вселенной, – но, с другой стороны, Бога вряд ли занимают мысли о том, как бы переспать с какой-нибудь барышней.

– Ну ладно, – буркнул Оппи и не спеша распрямился, поднимаясь с дивана. Конечно, он не мог просто подойти и представиться, но тут очень кстати вихрем пронеслась Мэри-Эллен, его квартирная хозяйка, облаченная в одно из своих сшитых из собственноручно расписанных батиков платьев, подметающих пол. Она то и дело устраивала вечеринки, часто посвящая их сбору средств в чью-то пользу. Сего-

дня деньги собирали для испанских республиканцев – или, может быть, для испанских националистов? Наверно, для хороших людей, но Оппи это было безразлично – он спустился из своей комнаты ради пончиков и выпивки, а не для того, чтобы кого-то поддержать.

– Мэри-Эллен, постойте. Не могли бы вы?..

– О, Роберт! Я очень рада, что вы решились оторваться от книг и присоединиться к нам! Но я вижу, ваш стакан пуст.

– Нет-нет, спасибо, пока не надо. Но если бы вы... – Он сдержанным жестом указал на пышногрудую молодую женщину, сидевшую у камина.

– Ах! – воскликнула Мэри-Эллен; ее широкое лицо расплылось в улыбке. – Конечно! – И, взяв Оппи за руку, она потащила его через полную народом комнату. – Джин! – позвала она, и незнакомка подняла голову. – Это лучший из моих жильцов; о, Фред, не надо, вы же знаете, что вас я тоже люблю! Его зовут Роберт, он преподает физику. Роберт, Джин учится на врача. – Мэри-Эллен вдруг извлекла, словно ниоткуда, стул в стиле ар-деко и ловко усадила на него Роберта лицом к Джин. – А сейчас я подам вам выпивку!

– Значит, вы будущий врач? – сказал Оппи, улыбнувшись Джин.

– Да. Точнее, психиатр. – Голос Джин был теплым. Вблизи она показалась еще красивее, чем с другой стороны комнаты. – Я преклоняюсь перед Фрейдом, – продолжила она. – Вы знаете его работы?

Как удачно кость выпала! Шесть очков!

– Представьте себе, знаю. И даже знаком с Эрнестом Джонсом.

– Неужели?! – воскликнула Джин.

– Чистая правда. Мы познакомились в Кембридже в 1926 году. В то время Джонс, близкий друг Фрейда, был единственным в мире психоаналитиком, говорящим по-английски, и потому-то и стал главным пророком этого учения в англоязычном мире.

– Расскажите... Боже мой, расскажите мне все, что вы знаете о нем.

Снова бабочкой подлетела Мэри-Эллен, вручила Оппи стакан с бурбоном, подмигнула и помчалась дальше.

– Ну, – начал Оппи, – его кабинет находился на Харли-стрит... – За разговором он продолжал присматриваться к ее классически красивому лицу с прекрасной гладкой кожей, глазами поразительного изумрудного цвета, резко отличавшимися от его опаловых, и маленькой ямочкой на подбородке. Черные волосы девушки были коротко подстрижены. С виду она была лет на десять моложе его.

Они болтали почти час, легко переходя с темы на тему. Его восхищали ее красота, казавшаяся неожиданно знакомой, и живой ум, но притом она оставалась неуловимой. Ее настроение мгновенно менялось, она могла быть очень оживленной и шумной, а в следующий миг – печальной и хрупкой. И все же он слушал ее внимательно, несмотря на

стоявший в комнате шум, сливавшийся из множества разговоров чьей-то не очень талантливой, но одушевленной игры на пианино, и звона стаканов. Раз он даже вскинул руку и прервал ее на полуслове.

– Моя семья, – рассказывала она, – переехала сюда из Массачусетса как раз перед катастрофой и...

– Вы попали в автомобильную аварию?

Она растерянно взглянула на него.

– Нет, я имею в виду катастрофу фондового рынка.

Оппи покачал головой.

– Биржевой крах 1929 года. Начало Великой депрессии.

– Ах, вот вы о чем... Ну да, конечно.

– Неужели вы не знаете? – непритворно удивилась Джин. – Где же вы были? – Ему вдруг захотелось, чтобы она добавила: «всю мою жизнь», но она закончила фразу неожиданным предположением: – Вы, наверное, родились с серебряной ложкой во рту.

– Не то чтобы... Но мой отец благополучно пережил этот период. – И он добавил, как будто это могло объяснить его легкое отношение к национальному бедствию: – Он тоже занимался инвестированием, но не в фондовую биржу, а по большей части в искусство.

Она снова склонила голову, свет фарфоровой настольной лампы лег под другим углом, и он неожиданно понял, где видел ее лицо. Одной из любимых книг Оппи была «Цветы зла» Бодлера, которую он читал в оригинале. Абрис лица

Джин, форма и размер ее носа точь-в-точь походили на графическую иллюстрацию к душераздирающей *Une Martyre*³ из знаменитого издания 1917 года. Он мысленно напрягся, отбрасывая ассоциацию. Картинка была страшненькая: труп на смятой постели, отрубленная голова, красота, увядающая вместе с цветами в вазах, старый муж, скитающийся где-то в дальних краях...

Вечеринка подошла к концу, и Оппи, расправившийся уже с четырьмя дозами бурбона, настроился договориться с новой знакомой о свидании.

– Итак, мисс... – начал он.

– Тэтлок, – сказала она, и эти два слога ударили его, как пули.

– Вы... вы родственница Джона Тэтлока?

– Он мой отец.

– Джон Тэтлок? Медиевист из Беркли?

– Да, а что? Вы знакомы с ним?

«О да», – подумал Оппи. Джон Стронг Перри Тэтлок, специалист по Джеффри Чосеру, безусловный авторитет в ассоциации преподавателей Беркли, громогласно вещавший в столовой факультетского клуба, был ярым антисемитом. Впрочем, для Беркли это было в порядке вещей; когда Роберт попытался устроить туда своего студента Боба Сербера, заведующий кафедрой физики сказал, что одного еврея на его факультете вполне достаточно. Но... *черт возьми*.

³ «Мученица».

— А-а... — протянул Оппи; у него резануло под ложечкой. Он пока не назвал собеседнице своей фамилии. — Что ж, приятно было познакомиться, — скрывая досаду, сказал он, поднялся с изящного стула и вышел на лестницу, ведущую в его холостяцкую комнату.

* * *

Джин посетила и следующую вечеринку, которую устроила Мэри-Эллен, и еще одну, оставаясь все такой же очаровательной и притягательной. В конце концов Оппи набрался смелости и, попытавшись забыть о предубеждениях ее отца, решился пригласить ее на обед.

— И куда вы предлагаете пойти? — спросила она, и Оппи снова изумился. Значило ли это, что она заранее готова принять его предложение или, напротив, будет решать, достаточно ли фешенебельное заведение он предложит?

— Я... м-м-м... э-э...

— О, не ломайте голову, — улыбнулась она. — Вы любите острое?

— Даже очень.

— В Сан-Франциско есть такое место — кафе «Сочимилко». Может быть, знаете?

Он покачал головой.

— Вот и хорошо! Вдруг это место станет *нашим*? В субботу вечером? Или... может быть, суббота?..

До него не сразу дошло, что она имеет в виду его национальность и еврейские обычаи.

– Нет, суббота меня вполне устроит.

И они пошли туда. Кафе, название которого больше пошло бы для любимого им с детства юго-запада, нежели для Северной Калифорнии, где он теперь жил, оказалось плохонькой забегаловкой. Но это было совершенно неважно; Джин совершенно правильно отметила еще при первом знакомстве, что он не придавал деньгам особого значения. С такой же готовностью он повел бы ее в самый дорогой ресторан морепродуктов в районе верфей. Зато кабинки там оказались вполне подходящими для душевного разговора, *carne adovada*⁴ – в меру пикантным, а текила – крепкой и доброкачественной.

Оказалось, что Джин состоит в Коммунистической партии и пишет в ее газету «Вестерн уоркер»⁵. Когда она заговорила об угнетенных и борьбе за свободу – эти темы сплошь и рядом обсуждали в университетском кампусе, но Оппи никогда не вслушивался в них, воспринимая эти разговоры как какой-то посторонний шум, – он поймал себя на том, что внимательно слушает, кивает и время от времени вставляет: «Да, да, да!»

Поздно ночью Оппи пешком провожал ее домой. Пройдя квартал, она взяла его под руку. А войдя в подъезд неболь-

⁴ *Carne adovada* – тушеное мясо (свинина) в красном чили.

⁵ *The Western Worker* – «Западный рабочий».

шого дома, где она жила, они услышали музыку – кто-то из соседей слушал перед открытым окном новую джазовую композицию Бенни Гудмена «Слава любви»⁶. Там они остановились, Оппи привлек ее к себе, наклонился и поцеловал впервые за все время их знакомства, сначала легко и очень осторожно, а потом, когда она ответила, стал целовать ее все более страстно и горячо.

С тех пор их встречи стали регулярными.

Несколько лет назад Оппенгеймер сделал в клубе любителей астрономии Калифорнийского технологического института доклад под названием «Звезды и атомные ядра»; он изучал крупнейшие и мельчайшие объекты, существующие в природе, но до встречи с Джин почти не замечал окружающий его человеческий мир.

И все же он довольно скоро узнал и о том, что ее внутренний свет неизменно омрачает тьма – ее настроение прямо-таки скакало, ей часто снились кошмары, она была химерой – ангелом и демоном в одном лице; сама будущий психиатр, она давно уже постоянно наблюдалась у психиатра. Несмотря ни на что, он крепко полюбил ее, а она, более подвластная чувствам, как высоким, так и низким, которые переполняли ее дух, возможно, любила его еще крепче.

Через несколько месяцев состоялась их помолвка... а потом Джин совершенно неожиданно разорвала ее. «Я пока не готова, – сказала она. – Слишком рано». Впрочем, они

⁶ *The Glory of Love.*

продолжали встречаться, и он однажды набрался смелости и снова предложил ей стать его женой. Она согласилась, но спустя несколько недель снова передумала. Она уверяла, что любит его, но он заслуживает гораздо большего, лучшего. Роберт не смог переубедить ее и, с разбитым сердцем, обратился за утешением к другим женщинам. Одной из них была Китти, миниатюрная соблазнительница, кокетливая лисичка, искусная наездница, способная (по крайней мере, так казалось) укротить любого жеребца. Она изрядно удивила его тем, что вскоре забеременела. И он исполнил долг порядочного человека – женился на ней.

Но в его сердце, в его мыслях всегда царила не Китти, а очаровательная, взбалмошная, противоречивая Джин Тэтлок, родственная душа, которую ему так и не удалось обрести.

Глава 2

Шесть лет спустя: 1942

*Вопрос: кто такой оптимист? Ответ: человек,
считающий будущее неопределенным.*
Лео Силард

Лео Силард, и в сорок четыре года остававшийся пухлым и розовощеким, как ангелочек со старинной картины, заранее знал об этом визите. В Металлургическую лабораторию – такое кодовое название носило одно из отделений Чикагского университета, где изучали расщепляемые химические элементы уран и плутоний, – собирался навеститься генерал Лесли Гровз. Этот человек несколько дней назад не только получил генеральский чин, но и высоко продвинулся по службе, получив должность руководителя... как же, черт возьми, теперь называется проект по созданию сверхмощной бомбы? Ах да – Манхэттенский инженерный округ.

Лео подозревал, что невразумительное кодовое имя скоро появится и у него самого. Его устроило бы, например, «Марсианин номер один». Энрико Ферми, убежденный в том, что вселенная должна изобиловать разумной жизнью, попросил Лео объяснить отсутствие на Земле высокоразвитых пришельцев, которых за неимением общего термина стал называть «марсианами». Лео язвительно заметил: «О, нас здесь

полно, но мы называем себя венграми».

Силард любил выдумывать прозвища для разных людей, но в основном держал их при себе. Свою подругу Трюд – она была на дюжину лет моложе Лео и их отношения были в основном платоническими – он называл *Kind*, что в переводе с немецкого означает «ребенок». Юджина Вигнера, такого же марсианина, как и он сам, обладателя необычно удлиненного черепа, он прозвал Ананасной головой. Он решил, что этого генерала, ворвавшегося в их комнату для семинаров в Экарт-холле, подошла бы кличка Корявый, соответствующая как его фигуре с распирающими мундир буграми ожиревших мышц, так и вздорному характеру. Лео не пришло бы в голову ставить в вину человеку избыточный вес. Он сам благодаря любви к выпечке и жирным соусам сделался, как иногда ласково упрекала его Трюд, более чем полноватым. Но, помилуй бог, мужская одежда должна сидеть по фигуре, а этот буйный солдафон ходил в кителе по крайней мере на размер меньше, чем нужно.

Генерала и его адъютанта на встречу с пятнадцатью ведущими научными сотрудниками Металлургической лаборатории привел ее директор Артур Холли Комптон, обладатель агрессивно выпирающего подбородка. Научные семинары проводились в просторном роскошном зале со встроенными застекленными книжными шкафами, шикарной мебелью, обтянутой темно-бордовой кожей, и двумя классными досками – одна висела на стене, а другую можно было катать

на колесиках. Посередине стоял длинный стол из красного дерева, заваленный бумагами, потрепанными журналами и кофейными чашками.

Из генерала градом сыпались вопросы. Тридцатидвухлетний долговязый и энергичный Луис Альварес поспешно записывал уравнения на большой доске, пытаясь ответить на множество вопросов генерала, но у этого болвана хватило наглости прервать его.

– Секундочку, молодой человек. В третьем уравнении показатель степени равен десяти в минус пятой, а в следующей строке он волшебным образом становится десять в минус шестой.

– Ах да, конечно, – покорно кивнул Альварес, стер ошибку пальцем и записал нужную цифру. – Мел соскользнул.

– И тут возникает вопрос, – сказал Гровз, обращаясь ко всем собравшимся ученым. – Вы, конечно, прикидывали, сколько потребуется делящегося вещества. И насколько точна ваша оценка?

– В пределах одного порядка, – бросил, чуть заметно пожав плечами, Лео. Он скинул туфли и развалился на стуле, положив ноги на свободное сиденье рядом.

– В пределах порядка! – взорвался Гровз. – Это же чушь! Это все равно что заказать свадебный обед на сто гостей, не зная, сколько их будет: всего десяток или тысяча. Ни один инженер не сможет работать с такими грубыми данными.

– Генерал, – начал Лео, рассчитывая, что упоминание

вновь полученного звания смягчит грубияна, – поймите...

– Нет! – рявкнул Гровз, прервав его на полуслове. – Это *вы* все должны понять, что занимаетесь не теорией, а практической разработкой. Мне нужно построить реально действующую бомбу. – Он сделал паузу, набрал полную грудь воздуха и продолжил, еще сильнее повысив голос: – Вы тут считаете инженеров простым техническим персоналом. – Лео благодарно промолчал. – Так знайте, что у меня нет степени доктора философии. У полковника Николса есть, а у меня – нет. Но позвольте поставить вас в известность, что после поступления в колледж у меня было десять лет планомерного, с соблюдением всех норм и методик, образования – целых десять лет. Мне не нужно было зарабатывать на жизнь или тратить время на преподавание. Я просто учился. Уверю вас, это не уступит и *двум* докторантурам!

Лео поставил ноги на пол и подался вперед.

– Сэр, – заговорил он свистящим полушепотом. – Я бы никогда не стал для себя претендовать на ваше звание. Но оставьте эти рассуждения о докторских степенях – они есть у всех, находящихся в этой комнате, кроме вас.

– Лео... – предостерегающе бросил Комптон и вздернул тонкие брови: «Не смей!»

– Нет-нет, – возразил Силард, – мы же разбираемся в проблеме компетентности, так ведь? Взять вас, Артур, разве не вы получили в 1927 году Нобелевскую премию по физике? – Лео пронзил взглядом Гровза. – Вы, случайно, не видели

несколько лет назад его портрет на обложке «Тайм»? – Силард указал на худощавого лысоватого мужчину, сидевшего по другую сторону стола. – А этого? Энрико Ферми. Он получил «Нобеля» в 1938 году. А вот рядом со мною, – он указал на усача с головой, похожей на яйцо, – прошу любить и жаловать: Джеймс Франк, нобелевский лауреат 1925 года. Что касается меня, то я сотрудничал с Альбертом Эйнштейном и имею совместные с ним патенты!

Гровз поднялся и заявил, не скрывая злости:

– Я еду в Беркли, но вернусь через несколько дней, – и продолжил, угрожающе тыкая пальцем в сторону доски: – Я очень рассчитываю по возвращении получить *точный* ответ, – и зашагал к выходу, топая по паркету так, что в шкафах зазвенели стекла.

Лео встал, повернулся к коллегам и развел руками.

– Я предупреждал вас, что, если дело перейдет к военным, все будет именно так и никак иначе! Да разве можно работать с такими людьми?

Комптон уже немного успокоился:

– Что ж, Гровз направился в Беркли, а там Оппи просветит его по части теории.

Силард нахмурился. Оппенгеймер... Слишком подобострастный, слишком заинтересованный в карьерном росте. О, бесспорно, он обладает харизмой, с этим согласны все, кто его знает. Но выступать в роли защитника науки и противостоять Корявому Гровзу?

– Да смилуется над нами Господь, – сказал он, покачив головой.

* * *

Роберт Оппенгеймер смотрел в огромное, во всю стену, окно приемной президента университета, глубоко погружившись в размышления. Он часто пребывал в подобном состоянии. И обдумывал он, конечно, неподдающуюся проблему разделения изотопов, но...

Изотопы – это одни и те же элементы, но разные – и *то*, и в то же время *не то*. Точно так же, как женщины в его жизни, обе красивые и блистательные, но тоже разные: Китти, которая требовала, чтобы он удовлетворял ее потребности, и Джин, потребности которой он никогда не мог полностью не то что удовлетворить, но и угадать. Такие же, но все же разные: Китти, которая была замужем за другим, когда начала встречаться с Робертом, и которая, как он впоследствии узнал от друзей, хвасталась, что вынудила его жениться на ней «старомодным способом, забеременев», и Джин, все еще остающаяся рядом, все еще пребывающая в его кругу общения, иногда даже оказывающаяся в его объятиях, но решившая не принимать на себя обязательств.

Время шло, а ведь Роберт не был слеп и видел, что происходило вокруг. Его бывшая квартирная хозяйка, этот вихрь энергии по имени Мэри-Эллен, и хрупкая, капризная Джин,

ставшая в конце концов доктором медицины, были теперь больше, чем просто приятельницами. Джин всегда тянуло в разные стороны одновременно, и на одном из этих путей стояла Мэри-Эллен – всегда уверенная в себе, в противоположность Джин, которая редко была уверена в себе, зато всегда была доверчивой и такой же закрытой, как сам Оппи.

– Роберт!

Голос принадлежал хозяину приемной, президенту университета Спроулу. Он повернулся.

– Да.

Посетителя он заметил лишь после того, как Спроул – поджарый, как пантера, одетый в серый костюм-тройку, с тонкими очками на носу – указал на шедшего рядом с ним мужчину в военной форме.

– Генерал Лесли Гровз, позвольте представить вам доктора Роберта Оппенгеймера.

Термин «деление», которым описывался процесс расщепления атомного ядра на несколько более легких осколков, был заимствован из биологии, и Оппи внезапно пришли на память микрофотографии делящейся клетки, которые он видел: вытянутый овал, перехваченный посередине так, что получилась восьмерка. Роль перетяжки у Гровза выполнял ремень, а над ним и под ним вздымался обширный живот.

Генерал был почти одного роста с Оппи, с удлиненной головой, отягощенной выпирающими щеками и увенчанной зачесанными назад волосами. Под носом у него красовались

короткие щетинистые усики, поседевшие на концах, отчего в середине выделялся темный квадрат, придававший генералу – Оппи был уверен, что чисто случайно, – некоторое сходство с Гитлером. Уголки воротника цвета хаки украшали по две звезды. Оппи протянул руку, и Гровз крепко пожал ее.

– Вы здесь главный теоретик, – сказал генерал почему-то обвиняющим тоном.

Оппи кивнул:

– Официально моя должность называется «координатор быстрого разрыва», но, по сути, вы правы.

– А я знаток винтов и гаек, – ответил Гровз. Его голос походил на громыхание камней в гранильном барабане. – Инженер.

Оппи дружелюбно кивнул.

– Вы ведь руководили строительством Пентагона, да? – Громадный комплекс Министерства обороны в Вирджинии еще достраивался.

Брови генерала поползли на лоб, на него явно произвело впечатление то, что собеседнику известен этот эпизод из его биографии.

– Да, так оно и есть.

Оппи не стал говорить о том, что знает и о другом факте: что Гровз также отвечал за строительство лагерей для интернированных американцев японского происхождения. Военный обвел взглядом огромную комнату, явно чувствуя себя непривычно в роскошной обстановке.

– Я надеялся, что после Пентагона мне позволят самому выбрать следующее место службы – я хотел посмотреть, как идут дела за океаном, – но мне поручили эту штуку.

Оппи знал, что «эта штука» – ни более ни менее как руководство всеми работами по созданию атомной бомбы. В том числе и теми, что ведутся здесь, в Радиационной лаборатории Эрнеста Лоуренса, и в чикагской Металлургической лаборатории Артура Комптона.

Президент Спроул, похоже, сообразил, какой подход годится для этого человека.

– Ланч будет подан через несколько минут.

Гровз улыбнулся на эти слова, и Оппи улыбнулся в ответ.

– Хорошо, что заведовать всем этим поставили инженера. – Спроул переключился на другого посетителя, и Оппи, оставшийся наедине с генералом, включил все свое обаяние. – Мы, ученые, слишком уж склонны витать в облаках.

Глаза генерала, темно-синие, в отличие от бледно-голубых Оппи, остановились на собеседнике.

– Вы не заняты сегодня во второй половине дня? Я хотел бы побеседовать с вами.

Предложение оказалось очень к месту; Китти будет в восторге.

– Ваше желание, генерал, для меня закон.

Глава 3

Энергия, уходящая с поверхности звезды, будет очень сильно уменьшаться в процессе ухода... за счет гравитационного отклонения света, который будет препятствовать уходу излучения во всех направлениях... по мере сжатия звезды. Таким образом звезда постепенно замыкается, изолируясь от далекого наблюдателя (сохраняется лишь ее гравитационное поле).

Дж. Роберт Oppenгеймер и Хартлэнд Снайдер⁷

В кабинет оппи в Леконт-Холле Гровз явился, сопровождаемый лысоватым полковником с очками на носу.

– Николс, – представил его генерал. Оппи уже слышал это имя и сразу понял, что это тот самый Кен Николс из Манхэттенского инженерного округа. Своим названием проект был обязан первому местоположению военной организации, занимавшейся секретным строительством и теперь объединившей все усилия американцев по созданию атомной бомбы. Аналогичная программа британцев носила кодовое название «Трубные сплавы», и одному богу известно, за каким словосочетанием прятали свои работы в этом направлении. Советы – если они вообще у них велись.

Гровз снял китель, оставшись в отглаженной рубашке с

⁷ О безграничном гравитационном сжатии. Пер. на русский язык; «Мир», 1979.

широкими полумесяцами пота под мышками, и, протянув его Николсу, сказал:

– Отнесите в химчистку.

Оппи поспешно затянулся сигаретой. Он знал, что Николс получил в Айовском университете степень доктора философии в области гидротехники. Всем известно, что если аспирантам и приходится быть на побегушках, то с получением докторской степени эти обязанности переходят к кому-то другому. Возможно, сказал он себе, чтобы загладить неприятное впечатление, генерал просто хочет поговорить наедине. Помощник Оппенгеймера, застенчивый, шепелявый Боб Сербер, которого все же удалось устроить в университет, несмотря на предвзятое отношение начальства к его религии, работал на офисной доске. Оппи поспешил воспользоваться возможностью не только для того, чтобы получить желаемое гостем уединение, но и чтобы восстановить кармическое равновесие.

– Послушай, Боб, почему бы тебе не пригласить доктора Николса выпить в преподавательский клуб? А химчисткой пусть займется Бекки.

Оппи искоса взглянул на Николса, надеясь увидеть благодарный кивок, но понял, что тот лишь разозлился из-за того, что Роберт стал свидетелем этого мелочного унижения. Сербер же охотно принял предложение и поспешно отряхивал руки от меловой пыли.

Как только эти двое покинули кабинет, Оппи присел на

край стола. В его кабинете с белыми стенами потолок был двускатный, поднимавшийся к середине. Гровз отошел и встал у дальней стены, где потолок был ниже, что придавало ему еще более внушительный вид.

– Сегодня утром я видел Эрнеста Лоуренса, – прогрохотал генерал, – и его хваленый калютрон. Вам известно, сколько урана-235 он выделил из урана-238 на сегодня?

– Нисколько? – предположил Оппи.

– Совершенно верно, нисколько. А несколько дней назад я был в Чикаго. Этот шут Лео Силард и прочие по-прежнему предаются пустым мечтаниям, вместо того чтобы перейти к делу. Вокруг полно физиков, но никто из вас, похоже, не понимает, что такое *время*.

Роберт высоко ценил мощный интеллект Силарда, но хорошо понимал, что встреча этих людей неизбежно должна была сопровождаться столкновением.

– Что ж, – сказал он. – В августе тридцать девятого Эйнштейн отправил ФДР⁸ письмо, в котором советовал ускорить работы над атомной бомбой. Сейчас октябрь сорок второго. Прошло более трех лет, а работы над бомбой практически не начались. Я бы сказал, генерал, что мы чертовски опаздываем.

– Наконец-то попался хоть один здравомыслящий человек! – воскликнул Гровз. – Ладно, мистер Быстрый разрыв,

⁸ ФДР – популярная в США аббревиатура имени президента Франклина Делано Рузвельта.

скажите мне прямо: это возможно? Деление атомов?

Оппи нахмурился.

– Хороший вопрос. И ответ на него... – Он сделал нарочитую паузу для пущего эффекта и закончил твердым: – Да.

Ответ впечатлил Гровза. Он кивнул и задал следующий вопрос:

– Насколько быстро?

– Если предпринять сосредоточенные целенаправленные усилия? За два года.

– Четкий ответ, – сказал Гровз. – Мне нравится. – Он некоторое время рассматривал Роберта. – Что ж, давайте пока что оставим эту тему. Вы состоите в Коммунистической партии?

Оппи был готов к этому вопросу и ответил совершенно равнодушно, щелкнув мизинцем по сигарете, чтобы стряхнуть с нее пепел:

– Нет.

– Когда-нибудь состояли?

– Нет.

– А ваша жена состояла. И ваш брат Фрэнк.

– Чистая правда. Кроме того, вы, если понадобится, без труда сможете узнать, что в последние годы я поддерживал все известные мне левые движения, начиная от профсоюза учителей и кончая испанскими республиканцами. Но я никогда не вступал в Коммунистическую партию и в настоящее время отошел от этих дел. И без них работы невпроворот.

– Совершенно верно, – согласился Гровз. – И в этой работе нет места для коммунистов.

– Генерал, даю вам честное слово: я не коммунист. – Пауза. – Я американец.

– Это вы, – сказал Гровз, – родились и выросли в Америке. Но ведь среди этих умников полным-полно немцев, венгров, итальянцев и еще черт знает кого. А вот американцев, таких, как мы с вами... Нас очень уж мало.

Оппи наклонил голову в сторону и ничего не ответил.

– Хорошо, профессор, что бы вы посоветовали, учитывая то отставание, которое мы должны наверстать?

– Единая лаборатория, – сказал Оппи, выкладывая первую карту. – Собрать всех ученых вместе, на одной территории, – и добавил козырь: – Так будет гораздо легче обеспечить секретность.

Но Гровз удивил его – он *не* удивился.

– Да, я тоже думал об этом. Месяц назад я приказал приобрести в Окридже, Теннесси, 59 тысяч акров земли для уранового проекта. Пожалуй, подходящее место.

– Нет-нет. Там можно устроить разве что филиал – производство по сепарации изотопов. Но мы-то говорим о сердце и мозге разработки бомбы. Это должно быть отдельное учреждение.

Генерал потер подбородок:

– Может быть, вы и правы. А кому же можно было бы поручить руководство этой организацией?

– Думаю, логичнее всего было поставить главным моего нынешнего босса Эрнеста Лоуренса, – сказал Оппи, втайне порадовавшись тому, что генерал и Лоуренс уже схлестнулись из-за провала работ по выделению урана-235. – Можно также рассмотреть кандидатуры И-Ай Раби из Колумбийского университета или Эдвина Макмиллана. – Насчет этих двоих Оппи твердо знал, что они по уши загружены сверхсекретной работой по радарам, от которой их ни за что не освободят. И просто для пущей убедительности он добавил еще пару имен: – Или, скажем, Вольфганга Панофски из Калтеха или Карла Андерсона.

При упоминании Андерсона Гровз кивнул:

– Нобелевская премия за открытие позитрона.

– Да, – подтвердил Оппи.

– Тут-то и возникает вопрос. Я на днях сказал этим клоунам в Чикаго, что хоть у меня и нет степени доктора философии, но в этой программе я должен руководить толпой людей, у которых она есть. Им я прямо сказал, что меня это не тревожит, поскольку моя подготовка более чем равноценна любой аспирантуре. Но предположим, я решу, что начальником этой гипотетической лаборатории, запрятанной в каком-нибудь глухом углу, стоит назначить вас? Вам ведь придется сложнее. Ведь многие из тех, кем вам пришлось бы командовать, имеют Нобелевские премии, а у вас ее нет.

Оппи вскинул подбородок:

– Пока нет.

Гровз расхохотался, запрокинув голову:

– Всегда ценил людей, которые верят в себя.

– Генерал, дело тут не в вере. Работа уже выполнена. В тридцать восьмом и тридцать девятом годах я опубликовал в «Физикал ривью» три статьи – каждую с кем-то из аспирантов (все трое – разные). Шведской академии иногда требуется некоторое время, чтобы оценить работу и получить подтверждение, что она достойна Нобелевской премии. К сожалению, нам не повезло: в тот самый день, когда была опубликована последняя и самая важная из трех статей, Гитлер вторгся в Польшу, и началась эта проклятая война.

– Первого сентября 1939 года, – подхватил Гровз.

– Совершенно верно. С тех пор мир не думает ни о чем другом. Однако после окончания войны об этих статьях неизбежно вспомнят и признают их важность. Так что вопрос не в том, получу ли я Нобелевскую премию, а в том, *когда* я ее получу.

Гровз изобразил на лице почтительное удивление, но тут же покачал головой:

– Ну, как мне кажется, если вы не получили ее до войны, сейчас она вам пользы не принесет. Но, знаете ли, мне любопытно. Какое такое потрясающее открытие вы сделали, опередив весь мир?

– В России есть потрясающий физик по имени Лев Ландау. Он считает, что выяснил причину нагрева Солнца. По его мнению, центр Солнца – это конденсированное нейтрон-

ное ядро. То есть в сердце Солнца все электроны сорваны со своих орбит и объединены с протонами, которые таким образом превращаются в нейтроны. Поэтому в глубине Солнца нет ничего, кроме этих нейтронов и тех, что остались от атомных ядер древнего ядра небесного тела – твердая вырожденная материя из плотно упакованных нейтронов. Идея была отличная и чудесно объясняла, каким образом Солнце сохраняет тепло – кинетическая энергия падающего вещества притягивается сверхплотным ядром. Но Боб Сербер – тот самый парень, которого я только что отправил с полковником Николсом, ну, и я в этом поучаствовал, – мы с Бобом поняли, что Ландау не учел эффект, обусловленный сильным ядерным взаимодействием. Если учесть *этот* фактор, то следовало бы ожидать от Солнца явных признаков наличия такого рода ядра, но их нет.

Все это явно не произвело на Гровза впечатления, но, прежде чем он успел что-то возразить, Оппи вскинул руку:

– Но это лишь *первая* статья из всех, и сама по себе она не так много значила. Но она непосредственно повлекла за собой *вторую* статью, которую я написал с Джорджем Волкоффом. В ней мы обосновали неизбежность *неограниченного* сжатия в конце жизни достаточно тяжелых звезд.

Гровз нахмурился:

– Неограниченного? Как это понимать?

– Хороший вопрос, – сказал, ухмыльнувшись, Оппи. – А ответ на него содержится в *третьей* статье, которую я

написал в соавторстве со своим аспирантом Хартлэндом Снайдером. Мы показали, что неограниченное сжатие приведет к нулевому объему и бесконечной плотности и гравитация этого объекта будет настолько сильной, что ничего, *даже свет*, не сможет покинуть его. Это принципиально новый класс астрономических объектов, о существовании которых никто пока что не высказывал даже предположений. В нескольких километрах от центра, на расстоянии так называемого радиуса Шварцшильда, благодаря явлению относительности даже время застывает, но для наблюдателя, находящегося на поверхности звезды, время будет идти обычным порядком. В этих... если угодно, «черных безднах» нет абсолютно ничего интуитивно понятного, но они, безусловно, должны существовать.

Гровз отклонился назад, опершись о стену. На его лице появилось благоговейное выражение.

– И *это* заслуживает «Нобеля», – негромко произнес он.

Оппи кивнул и самодовольно скрестил руки на груди.

– Это заслуживает «Нобеля».

* * *

– Джим, вам, наверное, будет интересно узнать, что итальянский штурман только что благополучно высадился в Новом Свете.

Эта фраза, естественно, была кодовой – под прозвищем

Итальянский штурман подразумевался Энрико Ферми, коллега Силарда, руководивший сегодняшним успешным экспериментом. После нескольких месяцев трудов группа Ферми на практике осуществила то, что Силард предсказал девять месяцев назад, — управляемую цепную реакцию. В этот день первый в мире атомный реактор проработал двадцать девять минут. (Скорее всего, первый — но что, если нацисты все же сумели обогнать их?)

Силард стоял у стола в кабинете своего начальника Артура Холли Комптона в Чикагском университете. Артур разговаривал по телефону с Джеймсом Конантом, председателем Национального комитета оборонных исследований, организации, курировавшей все секретные военные разработки, ведущиеся в США. Затем он сказал:

— Да, очень дружески. — Похоже, Конант спросил, как к физикам-эмигрантам относятся местные ученые.

Артур некоторое время слушал молча, потом сказал:

— Нет. Думаю, что он... вернулся в порт. — Пауза. — Да, он здесь. Позвольте, сейчас... — Он передал Силарду черную телефонную трубку. Тот, как всегда чуждый формальностей, сказал:

— Привет, Джим. — Из-за венгерского акцента имя собеседника прозвучало как «Жим».

— Поздравляю вас, доктор! — Несмотря на сильный треск статических разрядов, в голосе нельзя было не уловить тепла. — Без вас просто ничего не удалось бы сделать.

Силард потер лоб свободной рукой, сказал то, что от него, несомненно, ожидалось:

– Благодарю вас, – и вернул трубку Артуру.

Лео любил размышлять либо в ванне – он частенько валялся в воде часами, – либо в буквальном смысле на ногах. Извинившись перед Артуром, который продолжал разговор, состоявший из одних недомолвок, он вышел на улицу. Вечерело, было холодно. Прогуливаясь по кампусу, Лео проходил мимо множества студентов – некоторые из них несли в руках учебники, а некоторые держались за руки, и чувствовал угрызения совести. Если бы он ошибся, все эти молодые люди, только-только начавшие жизнь, да и, вполне возможно, все прочие обитатели Чикаго, могли бы погибнуть.

На ходу изо рта Лео вырвались белые облачка пара. Он не знал, куда идет, но ноги сами понесли его через футбольное поле стадиона «Стагг». В начале недели выпал снег, однако он давно растаял, и даже коричневая трава высохла. Под бетонными трибунами, в кирпичных пристройках, размещались различные спортивные сооружения. Силард направился к северному концу западной трибуны, поздоровался с охранниками и прошел в зал, где размещался парный корт для сквоша. Это помещение выделили им для экспериментальной установки.

Посреди зала возвышался огромный куб из графитовых блоков. На него со зрительской галереи смотрел невысокий человек с редкими волосами и продолговатым лицом. Все

остальные ученые, несомненно, разошлись, кто в приподнятом настроении, кто в изнеможении, а кто и в том, и в другом состоянии, но Энрико Ферми стоял, облокотившись на перила, и просто смотрел, очевидно погруженный в свои мысли.

Находившееся перед ним чудовище было усыплено; укротители воткнули в тело *el toro* все четырнадцать *picas* – кадмиевых управляющих стержней.

Лео подошел к нему и торжественно протянул руку. Энрико пожал ее. Их имена уже были неразрывно связаны между собой в истории человечества – или только будут связаны, когда с их работы снимут завесу секретности, – благодаря тому письму президенту Рузвельту, черновик которого Лео составил три года назад. Письмо, подписанное Эйнштейном, начиналось так:

Некоторые недавние работы Ферми и Силарда, которые были представлены мне в рукописи, заставляют меня ожидать, что уран может быть в ближайшем будущем превращен в новый и важный источник энергии.

– Что ж, у нас получилось, – сказал Ферми со своим резким итальянским акцентом. Но это было лишь начало, и они оба знали это. В письме Эйнштейна далее говорилось:

Это новое явление способно привести также к созданию бомб, и возможно – хотя и менее достоверно, – исключительно мощных бомб нового типа.

– Да, – ответил Лео, – у нас получилось. – Он выпустил руку Энрико и медленно покачал головой, глядя на сооружение, громоздившееся посреди зала. – Это станет черным днем для человечества.

Глава 4

1943

*История, несмотря на всю свою скромность, не
обойдется без служанки-правды.
Хокон Шевалье*

«...В этот солнечный день!»

Китти Оппенгеймер и Барбара Шевалье эффектно завершили песню. Мужья зааплодировали, Оппи зажал сигарету в зубах, чтобы можно было звучно хлопать в ладоши. Китти встала из-за пианино, и обе женщины театрально поклонились.

Оппи встал с дивана, держа в руке пустой бокал из-под мартини, и предложил:

– Еще по одной? – Ответ он знал заранее: двое гостей, с которыми они обедали этим вечером в гостиной, считали его мартини непревзойденным; сам Оппи воспринимал их оценку как доказательство того, что, хотя он и выбрал физику, химик из него тоже вышел бы чертовски хороший.

Китти – невысокая брюнетка – лишь вскинула тонкие брови, давая понять, что можно было бы обойтись и без этого вопроса, а зеленоглазая блондинка Барб радостно воскликнула:

– Да, конечно!

Оппи собрал бокалы на серебряный поднос и уже шагнул было к двери на кухню, но тут, к его удивлению, с места поднялся Хокон Шевалье (на дюйм выше его шести футов).

– Я тебе помогу.

– Пожертвуешь ради меня обществом двух красоток? – осведомился Оппи. Он весь вечер ощущал между Хоконем и Барб какое-то напряжение; пение помогло несколько разрядить атмосферу, и Оппи рассчитывал, что его реплика еще облегчит настроение. Он дернул головой, указывая Хокону на дверь, и они вошли в просторную кухню, где аппетитно пахло доходившим в духовке молочным поросенком. За ними закрылась тяжелая деревянная дверь.

– Нам будет не хватать тебя, – сказал Хокон, взглянув на Оппи, который ставил на стол поднос с бокалами. Посуду Китти и Барб было легко узнать по ярко-красным следам от губной помады. – Беркли без тебя станет другим.

В морозильнике у Оппи стоял наготове второй комплект конических бокалов на длинных ножках. Он вынул их и своим фирменным движением погрузил каждый вверх ногами в неглубокий поддон, наполненный соком лайма и медом, как будто вырезал печенье из тонкого теста. При этом он чувствовал на себе взгляд Хокона, наблюдавшего за работой мастера.

– Имеешь хоть какое-то представление о том, куда поедешь? – спросил Хокон.

Оппи поставил бокалы на стол, налил в шейкер джина

«Черный медведь» и ловким отработанным движением руки плеснул туда вермута. Он задумался на несколько секунд, что же ответить на это. Сначала ему захотелось сказать: «В места, где воздух суше даже моего martinи», но от этой неплохой остроты пришлось отказаться во имя секретности. Странное понятие, к которому непросто привыкнуть, и вообще, если не доверять Хоку, своему ближайшему другу, то кому же тогда?

– Прости, – сказал он, приветливо улыбнувшись, – у меня печать на губах.

Хокон тоже улыбнулся и кивнул на бутылку водки, стоявшую около раковины.

– Вижу, настоящая русская. Слава богу, мы воюем не с ними.

– Ха! – отозвался Оппи, ловко манипулируя шейкером.

– Раз уж заговорили о русских... Роберт, ты знаком с Джорджем Элтентоном?

Элтентон был инженером-химиком и работал в «Шелл девелопмент». Неужели Хокон намекает на коммунистические пристрастия Элтентона? Да нет, не похоже на него; Хок не более красный, чем все остальные.

– Не то чтобы коротко, – ответил Оппи, разливая крепкую смесь по бокалам. – Но он бывал у меня в доме. Он состоит в ФАИХТ – Федерации архитекторов, инженеров, химиков и техников, – и у нас с ним была здесь встреча. Я тогда пытался уговорить молодежь из Радиационной лаборатории вступить

в Американскую ассоциацию научных работников.

– Хороший профсоюзный деятель, – сказал Хокон, одобрительно кивнув; Оппи не мог сообразить, кого он имел в виду: Элтентона или его самого.

– Впрочем, дальше этого не пошло, – продолжал Оппи. – Кстати, Лоуренс рвал и метал, узнав об этом. Требовал, чтобы я перечислил ему всех, кто был на этой встрече. Я, конечно, отказался.

– Похвально, – одобрил Хокон. – Как бы там ни было, я рад, что ты знаком с Джорджем. Мы с ним встречаемся в одних и тех же кругах. – Оппи знал, что друг имеет в виду Коммунистическую партию. – А он имел разговор с одним парнем из советского консульства в Сан-Франциско.

– И что? – спросил Оппи, разрезая оливки.

– Ну, мы же сейчас на одной стороне, и Советы – нет, одной достаточно – так вот, Советы, наверное, как-то пронюхали, чем вы занимаетесь у себя в университете. Ты никогда ничего не рассказывал, но, похоже, чем-то очень важным.

Оппи промолчал.

– И вот Джордж подумал, что, знаешь ли, в духе открытости... раз ты на стороне справедливости... если ты сочтешь это нужным... в общем, любая техническая информация, которая поступала бы к нему, очень незаметно попадала бы к вашим научным коллегам в России.

Настенные часы отстукивали секунды.

– Это же измена, – сказал Оппи, стараясь сохранить ров-

ный тон.

– Конечно, конечно, – ответил Шевалье. – Я просто подумал, что тебе следует знать об этом.

– Я не желаю иметь к этому никакого касательства.

Хокон кивнул и взял один из бокалов.

– Как всегда, великолепно, – сказал он, сделав маленький глоток.

* * *

В мае 1943 года Оппи, Китти и их сын Питер, только-только переваливший устрашающий рубеж двух лет, прибыли в место, которое все именовали по-разному: Пункт Y, Холм, *Mesa*, Гора или, из-за того, что новый поселок окружали тополевые рощи, Лос-Аламос⁹. Оппи неплохо знал эту область на севере штата Нью-Мексико. В 1922 году, восемнадцатилетним мальчишкой, он провел здесь лето, чтобы укрепить здоровье после продолжительной череды болезней, перед запланированным на осень поступлением в Гарвард. Тогда он научился ездить верхом и крепко влюбился в эти суровые, необжитые места.

Еще раз он побывал здесь летом 1928 года с младшим братом Фрэнком. Тогда они сняли уединенную хижину, построенную из располовиненных бревен, скрепленных меж-

⁹ *Mesa* (исп.) – плоскогорье, *álamo* (исп.) – тополь.

ду собой саманной массой; Роберт продолжал снимать ее по сей день. Осматривая домик в первый раз, он почему-то воскликнул: «Хот-дог!» – и с тех пор он так и именовался испанским переводом названия этого блюда: *Perro Caliente*.

Так что, занявшись вместе с Лесли Гровзом и еще несколькими чиновниками подбором места для секретной лаборатории по разработке атомной бомбы, Оппи привез их туда, и генерал почти сразу согласился, что это место как нельзя лучше подходит для их целей: здание частной сельской школы-интерната для мальчиков, расположенное на плато Пахарито протяженностью в две мили на высоте 7300 футов¹⁰ над уровнем моря. Гровз завладел этой территорией по праву принудительного отчуждения частной собственности, и Оппи сразу выбрал для своей семьи дом, который прежде занимал хозяин школы, – один из шести выстроившихся вдоль улочки, получившей название Бастьюб-роу¹¹ (потому что в этих домах имелись ванны). Вскоре начали строить новое жилье – жалкие лачуги (ведь предполагалось, что они будут нужны только до окончания войны), в которых были только душевые.

Генерал Гровз мог бы забронировать один из домиков на Бастьюб-роу для себя, но он не мог подолгу оставаться на Горе – его служебный кабинет находился в вашингтонском Во-

¹⁰ 2225 метров.

¹¹ *Bathtub* (англ.) – ванна.

енном доме¹². Но он присутствовал там в тот день, когда Оппенгеймер занял свой саманный особнячок и одобрил этот выбор.

– Отлично, – сказал он. – Я и сам с удовольствием поселился бы в нем. – Потом генерал сделал паузу, что ему было вовсе не свойственно, и продолжил: – У меня для вас небольшой подарок к будущему новоселью. – Он вручил Оппенгеймеру маленькую, меньше дюйма, жестяную коробочку.

– Неужели нюхательный табак? – удивился Оппи. – Генерал, я...

– Нет, не табак. – И Гровз издал странный звук, который, как решил Оппи, должен был означать смешок. – Для того чтобы нюхать годится, но... – Он ткнул пальцем в коробочку. – Откройте.

Оппи подцепил кромку ногтем, откинул крышку и увидел маленькую коричневую овальную капсулу, лежащую в гнезде на мягкой подстилке.

– Цианистый калий, – пояснил Гровз. – Вам придется постоянно носить ее с собою до самого конца войны. И, предупреждая ваш вопрос: да, у меня тоже есть такая. – Он похлопал себя по карману. – Как и у всех высших руководителей.

– Помилуйте, генерал, вам не кажется, что это несколько мелодраматично?

¹² *State, War, and Navy Building* – здание государственного управления, войны и Военно-морского флота; ныне – административное здание Эйзенхауэра. Находится по соседству с Белым домом.

– А почему, как вы считаете, так много внимания уделяется секретности? Нет никаких сомнений в том, что немцы пытаются сделать атомную бомбу, головой ручаюсь, что тем же занимаются и русские. Но лучшие мозги собраны у *нас*, а им проще всего было бы выкрасть вас или кого-то из важнейших ваших сотрудников. Если им это удастся, вас непременно *будут* пытаться и, несомненно, *смогут* заставить вас говорить, если вы не успеете принять вот это. Это стеклянная капсула, еще и залитая резиной. Не глотайте ее – она выйдет целой и невредимой, – а раскусите. Смерть наступит через считанные минуты.

Оппи посмотрел на капсулу. Она была размером всего с горошину, но показалась ему такой же громадной, как яблоки времен его раннего детства.

Глава 5

*Тем, кто любил меня и помогал мне, желаю
любви и мужества.*

Джин Тэтлок

Гровз и Оппенгеймер быстро поняли, что в своем плане, предполагавшем, что на Горе будут жить всего несколько сотен человек, катастрофически недооценили сложность задачи, за которую они взялись. Довольно скоро Лос-Аламос превратился в городок с населением в несколько тысяч человек, правда, в отличие от других подобных поселений, обнесенный колючей проволокой.

Оппи готов был приписать ученых на военную службу и дать им звания, но мало кто из них согласился на это. Тем не менее они жили фактически на военной базе и вынуждены были подчиняться армейским порядкам. Ровно в семь утра – он заставлял себя говорить «в семь ноль-ноль» – звучала пронзительная сирена, будившая ученых; предполагалось, что в восемь они уже будут старательно заниматься наукой. У Оппи быстро вошло в привычку каждое утро первым приходить в техническую зону и, как правило, уходить последним, возвращаясь домой при свете луны или сиянии Млечного Пути. Об уличных фонарях не могло быть и речи – нельзя было допустить, чтобы объект, который настолько

тщательно сохраняли в секрете, был замечен с самолета.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды летним вечером он, вернувшись на Бастьюб-роу, не обнаружил, что Китти лежит на белом диване, закинув ноги в синих джинсах и носках, не прикрывающих щиколотки, на спинку. В руке она держала стакан, а на овальном столике рядом с переполненной пепельницей стояла бутылка бурбона.

Она не поднялась ему навстречу.

– На этой высоте обед готовится целую вечность, – заявила она. Вода здесь закипала уже при 198 градусах по Фаренгейту¹³, тесто не поднималось. – Чтобы вовремя приготовить тебе еду, я должна точно знать, когда ты придешь домой.

Роберт положил на стул шляпу-поркпай¹⁴ и плеснул себе скотча.

– Прости. Очень уж много работы было сегодня.

– *Какой работы?*

– Ты же знаешь, что я не могу тебе рассказать. Нам не полагается говорить о...

– Помилуй бог, но это же я.

– Да, – согласился Роберт, пригубив виски. Конечно же, это была она: переменчивая и капризная шалунья, на которой он женился, пребывая в подавленном состоянии после

¹³ 92,2 °C.

¹⁴ Поркпай – шляпа с небольшими полями и невысокой цилиндрической тульей с кромкой, напоминающей зашип пирога (*pork pie* (англ.) – пирог с начинкой из свинины).

окончательного отказа, полученного от Джин, и в то же время воплощение яростного интеллигентского нонконформизма, посвятившая свою жизнь его карьере. – Ты ведь знаешь, в какой области я работаю, – сказал он. – Так что вполне можешь... догадаться, чем именно я занимаюсь.

Китти закурила сигарету.

– Догадаться... – полным яда голосом повторила она, выпустив большой клуб дыма.

– Так ведь идет война.

– Это я *знаю!* – отрезала Китти. Она родилась в Германии, но переехала в Штаты в возрасте двух лет. Ее мать была двоюродной сестрой фельдмаршала нацистской Германии Вильгельма Кейтеля, начальника Генерального штаба вермахта. Правда, он порвал все отношения с кузиной еще до того, как США вступили в войну – после того, как Китти вышла замуж за еврея.

– У очень многих женщин мужья сейчас находятся за океаном, – сказал Оппи. – Твой, по крайней мере, постоянно ночует дома.

– Роберт, не разговаривай со мною *так*. Ты же не мог забыть, что я потеряла на войне Джо. – Второй муж Китти, непреклонный коммунист, в свое время уехал в Испанию и погиб, сражаясь за республиканцев.

– Прости, – сказал он. – Я не хотел...

– ...меня обидеть? Нет, конечно, нет, – сказала она тоном, к которому иногда прибегала. Он всякий раз не мог понять,

всерьез она говорит или ехидничает.

– Война не может длиться вечно, – сказал Оппи. – А когда она закончится, мы сразу заживем гораздо лучше. К сожалению, я имею право сказать тебе только, что моя работа очень важна.

– Я тоже могу делать что-то важное. Когда я была замужем за Роджером, я получила степень доктора философии по ботанике. – Третий муж, с которым она развелась после того, как забеременела от Оппи. – Я могла бы внести серьезный вклад в этой области.

– Ты *внесешь* большой вклад. Ты моя жена. Ты будешь устраивать приемы, станешь центром всего сообщества, которое мы сейчас строим.

Китти налила себе бурбона и отхлебнула.

– Роберт, ради Христа...

* * *

Вскоре просторное плато заполнилось народом. Сюда ехали тысячи людей: ученые и солдаты, доктора разных наук и обслуживающий персонал, одни в наскоро оборудованных конторах вели бухгалтерию, другие в лабораториях, оснащенных по последнему слову науки, подсчитывали щелчки счетчиков Гейгера, дети рассматривали приезд сюда как захватывающее приключение, взрослые негодовали из-за отсутствия даже минимального комфорта. По извилистым до-

рогам, вздымая пыль, катались джипы, пешеходы перемещались между полукруглыми ангарами из гофрированной жести и собранными в кучки кубическими постройками.

Зима с холодом и инеем закончилась, уступив место весне, рассыпавшей по степи цветы, отчего она сделалась пестрой, как пуантилистическая картина. Потом пришел май – неужели Оппи и Китти уже целый год живут здесь? – и июнь с его длинными днями и короткими ночами.

Со временем то, что поначалу воспринималось как возмутительное унижение, стало общепринятой нормой: Оппи перестал обращать внимание на то, что вся приходящая к нему почта уже вскрыта. Однако он удивился, получив письмо, обратным адресом в котором был указан тот самый дом на Шаста-роуд в Беркли, где он прожил несколько лет. Ах, вот в чем дело: письмо пришло от Мэри-Эллен, его бывшей квартирной хозяйки, обожавшей устраивать вечеринки. И благослови ее Господь за сдержанность; она написала всего несколько слов: «Дж. Т. нужно увидеться с вами». Конечно, Пир де Сильва – Оппи считал, что это имя как нельзя лучше подходит для сотрудника службы безопасности – наверняка прочитал текст перед тем, как отправить письмо по назначению, и сверил инициалы со списком всех известных знакомых Оппи. Правда, этим буквам могли соответствовать имена еще нескольких человек, но непосредственно в Беркли жила только Джин Тэтлок.

Джин, разбившая его сердце.

Джин, дважды отказавшаяся выйти за него замуж.

Джин, сшившаяся ему каждую ночь, вдруг захотела увидеть его – увидеть воочию. В разгар войны, когда он заперт здесь, на краю света, среди гербовых орлов и живых ястребов, парящих в небе, когда каждый день на счету и необходимо беречь не только часы, но и минуты.

Конечно, он откажется.

Конечно, он останется на посту.

Конечно...

Она хотела увидаться с ним, еще когда он готовился к отъезду, но Китти устроила скандал, и Оппи уехал из Беркли, даже не попрощавшись с Джин.

Но он знал Джин, а она знала его. Они оба безошибочно ощущали грань между одному из них «хочется увидеть» другого или «необходимо увидеть». К тому же письмо прислала Мэри-Эллен от имени Джин – почему? Неужели Джин так подавлена, что не смогла сама написать письмо? Мэри-Эллен точно передала бы намерение Джин: Джин нужно было его увидеть. Мэри-Эллен следовало бы употребить другое слово: Джин *необходимо* встретиться с ним.

Конечно...

Конечно, он поедет.

Что еще ему остается?

Из соображений безопасности генерал Гровз запретил ведущим специалистам летать самолетами, а купить билет на поезд до Сан-Франциско, где жила Джин, Роберт не мог – это вызвало бы подозрения. А в находящийся поблизости Беркли? Вот это как раз удивления не вызовет; ему ничего не стоит сочинить список важных дел, ради которых нужно посетить Радиационную лабораторию. Да хотя бы посоветоваться с Эрнестом Лоуренсом.

После длительного путешествия по железной дороге из Нью-Мексико (а ведь ему ради видимости пришлось провести пару дней в кампусе) он вечером ускользнул из Леконт-холла и на трамвае, идущем через Оклендский мост, отправился в Сан-Франциско.

Джин встретила его на конечной остановке. В четверть десятого его длинные ноги бегом отмерили разделявшее их расстояние, и она оказалась в его объятиях. Они сели в ее маленький зеленый «Плимут»-купе, проехали по Эмбаркадеро и свернули на Бродвей. Оппи увидел в зеркале заднего вида, что следом за ними повернул коричневый «Форд», настолько заурядный, что мог бы сойти за платоновский идеал неприметности.

Она не задавала вопросов о том, где он сейчас живет, а он не собирался рассказывать этого по собственной иници-

ативе. Кто-то – вероятно, Хок, а может быть, ее отец – наверняка шепнул ей о том, что его привлекли к секретному военному заданию. Она могла бы попытаться разрушить его брак, но не помешать его работе.

За семь лет их знакомства Джин не так уж сильно изменилась внешне, невзирая на то что теперь она стала практикующим детским психиатром и работала в больнице «Гора Сион». А вот Оппи коротко обстриг свою буйную шевелюру, которая не очень-то соответствовала его новой должности научного руководителя Лос-Аламоса.

В 10:00 они приехали в кафе «Сочимилко» – их любимое место, – посидели там, выпили, а потом, естественно (о других вариантах даже речи не могло идти), отправились к ней домой на Телеграф-хилл. От машины к дверям они шли под ручку, весело смеясь (благодаря выпитому). Джин уронила ключ, и Оппи галантно поднял его.

Они поднялись на верхний этаж, где находилась комната, которую снимала Джин; там помещались лишь книги, кровать и кушетка. Одежды слетели, словно сами собой. Его ладони приподняли ее тяжелые груди, длинные пальцы нащупали отвердевшие соски. Вскоре она распласталась на ложе, он навалился сверху и слился с нею.

Когда потом они вытянулись бок о бок и ее голова покоилась на его плече, она сказала с тоской в голосе:

- Иногда я ощущаю себя... словно... парализованной.
- Я знаю, – ласково ответил он, глядя ее густые волосы.

Его сердце билось с перебоями, как бывало всегда, когда он знал, что должен расстаться с нею, он вспомнил стихотворение, которое она прочитала ему несколько лет назад; сочинила она его еще шестнадцатилетней, но сейчас оно неожиданно пришлось к стати.

...И даже этого не хватит,
Чтоб унять твою ужасную боль,
Изможденный до жути окровавленный Иисус.

– Я люблю тебя, – добавил он; ее щека плотнее прижалась к его плечу, и он почувствовал, что она улыбнулась своей слабой застенчивой улыбкой.

На следующий день он опоздал на свой поезд в Нью-Мексико, Джин отвезла его в аэропорт, и он купил билет на самолет – нет-нет, не прямо домой, а до Санта-Фе.

По пути в аэропорт он увидел за несколькими машинами позади тот же самый или, может быть, похожий коричневый «Форд». А-а, ладно... генерал Гровз и без того наверняка спустит с него шкуру за нарушение запрета на полеты на самолетах.

Глава 6

Видит Бог, я далеко не самый простой человек на свете, но по сравнению с Оппенгеймером я очень, очень прост.

И. А. Раби

С тех пор как Роберт провел ночь с Джин, прошло шесть недель, наполненных иступленной работой. Все, чем он занимался на Горе, было срочным, и чем усерднее он вникал в дела, тем меньше времени оставалось у него на то, чтобы мысленно возвращаться к ней, к той ночи, к жизни, которая у него могла бы быть, к его жизни, которая могла бы состояться.

И вот теперь он снова вернулся в Беркли отчасти для того, чтобы заняться вопросами безопасности, учитывая определенную расхлябанность в Радиационной лаборатории Эрнеста Лоуренса и привлекая внимание армейской разведки неосторожные действия его бывшего аспиранта Росси Ломаница, все еще работавшего в Калифорнийском университете. Каждый атом его существа стремился снова проехать по Оклендскому мосту на запад, чтобы обнять Джин, но...

Но. В последний раз за ним действительно велась слежка, по результатам которой был составлен скандальный отчет. Оппи постоянно носил с собою таблетку, которую ему дал Гровз, но все же до той поездки не осознавал, какой

по-настоящему всеобъемлющей будет система безопасности в этом проекте; или, возможно, как сказала бы фрейдистка Джин, он подавлял мысль, которая должна была прийти в голову любому разумному человеку.

И все же – если бы только он мог снова увидеть Джин. Ради нее. Ради него самого. И, конечно же, на благо проекта: выбросить лишнее из головы, очистить разум, зарядить тело энергией, успокоить душу. Армия всегда понимала ценность отпуска; даже генерал Гровз капитулировал перед Оппи, когда он настаивал на том, что ученым, собранным на Горе, необходимо предоставить отдых от трудов по воскресеньям.

Роберт наполнял легкие теплым августовским воздухом, пил его. Газовая диффузия: одна-две молекулы кислорода, когда-то побывавшие в ее теле, с легкостью преодолевали несколько разделявших их миль и сейчас, несомненно, находились в нем.

Предоставленный ему военный водитель ни за что не повезет его к ней, своей машины у него нет, а трамвай ничего не стоит проследить. А вот шофер такси наверняка обрадуется заработку и еще больше обрадуется чаевым, и очень скоро – через час? – Джин окажется в его объятиях.

Чертова безопасность! Что-то нужно, даже необходимо засекретить, и он никогда не допускал промахов в этих вопросах. Он читал ей только стихи, а не формулы, а ведь у каждой формулы есть своя красота и свой ритм. Они не стали бы касаться ни его работы, физики, ни ее работы, психо-

логии; первой – потому, что теперь это строго запрещено, а второй – потому, что она тоже становилась взрывоопасной, когда дело касалось Джин. Ее сложная, утонченная психика хрупка, как цветок, изготовленный стеклодувом.

И все же *было* хорошо вернуться в Беркли, опять оказаться среди деканов и профессоров, экономистов и знатоков классической филологии, среди молодых пытливых умов. Он сознавал, насколько сильно ему недостает этой молодежи, но одно лишь ее присутствие, ее смех, ее сумбурные разговоры придавали ему душевных сил. В университете было отнюдь не так многолюдно, как несколько месяцев назад, в начале осеннего семестра, но он все равно гудел страстной музыкой, в которую сливались струны тысяч исследований, сотен специальностей, где не было места мономаниакальной сосредоточенности всех на одном-единственном вопросе.

Роберт прошел через гранитный главный портал Дюрант-холла. Студенты Оппенгеймера славились умением передразнивать его походку и жестикуляцию; он знал, что они делали это не в насмешку, а напротив – из искреннего восхищения своим профессором. Но была одна очень важная область, в которой им больше не следовало подражать ему. Оппенгеймеру перед войной сошла с рук неудачная попытка создать профсоюз, а теперь Ломаниц снова взялся за то же самое. Оппи умолял всех своих бывших студентов отложить политику до окончания военных действий, но горячий и безрассудный Росси был одержим этой идеей.

Оппи намеревался повидать Ломаница. Следуя по коридору, он прошел мимо кабинета лейтенанта Льялла Джонсона, бывшего агента ФБР, который служил сейчас в армейской контрразведке, следил за состоянием дел в кампусе и постоянно находился здесь.

Точнее говоря, он должен был бы пройти мимо, но...

Но дверь была открыта, открыто было и окно – хозяин кабинета пытался бороться с августовским зноем при помощи сквозняка. Да и, наверное, неплохо было бы сначала, так сказать, отметить...

Итак, он вошел в кабинет и обнаружил Джонсона за разгадыванием кроссворда. Бросив беглый взгляд на лист, Оппи произнес:

– Шесть по вертикали – Рубикон, – и продолжил: – Я хотел бы поговорить с Росси Ломаницем, если вы не возражаете. Он ведь хороший парень и хороший физик. Уверен, что он прислушается к моим доводам.

Джонсон благословил Роберта в его намерении наставить Ломаница на путь истинный. Оппи повернулся было, чтобы уйти, но вдруг подумал, что мороженое обязательно нужно украсить вишенкой, а мартини следует подавать с оливкой. Да, его старания образумить Росси наверняка покажут, что Оппи отрешился от своего красного прошлого. Однако, попав в Беркли, он неожиданно вспомнил о разговоре с Хоконом Шевалье, случившемся за несколько дней до того, как они с Китти уехали в Лос-Аламос. И сейчас, лишь для того,

чтобы подчеркнуть, что он всем сердцем предан общему делу, он повернулся к Джонсону и добавил:

– Кстати, в «Шелл девелопмент» – знаете, в Эмеривилле – есть один химик. Некто Джордж Элтентон. Возможно, к нему стоит приглядеться.

Джонсон, уже совсем было вновь углубившийся в свой кроссворд, резко вскинул голову.

– Да?

– Я не знаю ничего определенного, – сказал Оппи, – но незадолго до отъезда в Пункт Y я краем уха слышал, что он может интересоваться теми работами, которые ведутся в Радиационной лаборатории. Элтентон вроде бы жил в России, так что... – Он предоставил лейтенанту возможность самому закончить мысль.

– Спасибо, профессор, – ответил Джонсон и записал имя авторучкой на клочке крафт-бумаги. Оппи, читая так же вверх ногами, заметил, что Джонсон с первого раза записал фамилию правильно.

– Я не сомневаюсь, что это просто ерунда, но... – Он приподнял шляпу в знак прощания и вышел в коридор, чтобы направиться дальше к Ломаницу. Из-за открытой двери было слышно, как Джонсон набирал номер телефона.

* * *

Ближе к вечеру Оппенгеймер получил от лейтенанта

Джонсона приглашение посетить на следующее утро его кабинет. Ночевал Оппи в одиночестве в своем двухэтажном особнячке в испанском стиле, глядевшем на Беркли с вершины Игл-хилла в ожидании того времени, когда хозяин с женой и сыном смогут навсегда вернуться сюда.

Он толком не уснул в эту ночь. Все время ворочался и путался в простынях. Бедняжка Джин была так близко, совсем близко... В окно он видел ярко сверкавший Альтаир. Фото-ну требовалось шестнадцать лет, чтобы со скоростью света долететь от альфы Орла до Игл-хилла, но Оппи видел звезды. А вот увидеть Джин он не мог.

Утром он принял душ (из труб довольно долго пришлось спускать застоявшуюся за много недель воду), оделся и вернулся в Дюрант-холл. На сей раз дверь кабинета Джонсона оказалась закрыта. Чтобы не привлекать внимания к секретной работе, проводимой в университете, объекты охраняла штатная полиция кампуса, а не военная полиция. В это утро один из них дежурил у двери оперативного агента. Судя по всему, он ожидал появления Оппи, поскольку приветствовал его коротким: «Профессор», открыл дверь и жестом пригласил войти.

Джонсон был в комнате не один.

– Доктор Оппенгеймер, – приветствовал его подтянутый мужчина немного за сорок с редеющими светло-каштановыми волосами и в очках с круглой тонкой оправой. – Я подполковник Паш.

Роберт уже слышал это имя. Паш командовал контрразведкой Девятого армейского корпуса, контролировавшего эту часть Западного побережья; его штаб находился в Пресидио. Оппи также знал, что его имя – Борис. От рождения он носил имя Борис Федорович Пашковский, хоть и родился в Сан-Франциско. Первую мировую войну он провел в Москве с отцом, священником Русской православной церкви. Когда большевики захватили власть и начались Гражданская война и жестокие гонения на церковь, восемнадцатилетний Борис вступил в белую армию, чтобы сражаться с ними. Оппи слышал, что его ненависть к коммунистам граничила с патологией.

Паш поднялся из-за стола, за которым вчера сидел Джонсон; молодой лейтенант устроился на шатком деревянном стуле возле шкафа с бумагами.

– Рад знакомству, – сказал Паш. – Я не отниму у вас много времени.

– Не беспокойтесь, – ответил Оппи, выдержав сокрушительное рукопожатие. – Мое время в вашем распоряжении.

Паш опустился в кресло и жестом предложил Оппи занять второй свободный стул – точно такой же, как и тот, на котором сидел Джонсон. Оппи сел, пристроив шляпу на костлявое колено.

– Мистер Джонсон рассказал мне о вчерашней короткой беседе с вами, – сказал Паш. – И, знаете ли, я сразу встревожился.

Вчерашний разговор Оппенгеймера с бывшим аспирантом не дал того результата, на который он рассчитывал.

– Я хотел объяснить ему, что он ведет себя глупо, и предполагал, что он смутится, если прямо указать ему на это, но, откровенно говоря, он, похоже, не способен смущаться, так что...

– Вы о чем? – нахмурился Паш.

– О России Ломанице. Он...

– Он меня не интересует, – перебил Паш и резко взмахнул рукой. – Мистер Джонсон сказал, что вы говорили о том, что нашими делами здесь могли заинтересоваться некоторые... *зарубежные державы.*

У Оппи вдруг сердце екнуло в груди, а во рту внезапно пересохло.

– О, это ведь только слухи. Я ничего точно не знаю.

– Но вы все же слышали что-то о химике Джордже Ч. Элтентоне?

Оппи не упоминал, да и не знал второго инициала, так что, несомненно, контрразведчики провели какую-то работу.

– Ну, да, вероятно, Элтентон, хм-м... намекал, что может передавать без опасности утечки или скандала любую, э-э, техническую информацию, которую кто-либо мог бы ему предоставить.

– И кому же он намекал?

Оппи вынул сигарету, прикурил. Его пальцы дрожали.

– Участникам этой программы.

– Элтентон непосредственно обращался к кому-то из участников работы?

– Нет, через посредников, – быстро ответил Оппи, пытаюсь сместить направленность разговора. – А теперь позвольте сказать откровенно: если бы Верховный главнокомандующий решил проинформировать русских о том, чем мы здесь занимаемся, я всей душой приветствовал бы это – как-никак они наши союзники и тоже сражаются против нацистов. Но я ни в коей мере не приветствую попытки передавать информацию через черный ход.

Оппи разглядел, что Паш записал в лежавшем перед ним блокноте «всей душой» и сопроводил их восклицательным знаком, а ниже добавил «черный ход» и обвел эти слова жирным кольцом.

– Не могли бы вы подробнее рассказать о... об этом самом «черном ходе», как вы выразились? Вы, несомненно, понимаете, что такие вещи столь же интересуют меня, как весь проект – вас.

Проклятье! Он смял лишь наполовину выкуренную сигарету в зеленой стеклянной пепельнице и закурил следующую, пытаясь выиграть несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

– Что ж, – сказал он, глядя не на Паша, а в окно за его спиной на пожухшую от солнца траву, на Сатер-роуд и Уиллер-холл, – все разговоры заводились с людьми, которых эти

попытки встревожили. Я думаю, что называть еще какие-то имена, кроме одного человека, которого уже упомянул, — Эл-тентона, — значило бы привлекать к делу людей, которые не принимали сделанных намеков, а, напротив, решительно отвергали их.

— Да, но...

— Нет, нет. Если и дальше копаться во всем этом, будут затронуты люди, которые не просто ни в коей мере не виновны, но благонадежны на все сто процентов.

— Но к ним все же обращались. Когда? Где? Нам будет полезна любая информация.

— Происходило это месяцев пять, если не шесть или семь, назад. Я слышал о трех случаях, и, кстати, двое из тех, к кому обращались, находятся вместе со мною в Лос-Аламосе, и мы тесно сотрудничаем.

Непреодолимая сила, недвижимая масса...

— Хорошо, профессор. Я понимаю, что вы хотите оградить невинных людей, к которым всего лишь обращались с предложениями. Но вы, несомненно, понимаете, что человек, *делавший* эти самые предложения от имени Элтентона, тоже виновен. Вы можете назвать его имя?

Голос Оппи сорвался до писка.

— Мне кажется, это будет неправильно. Я ведь сказал вам, от кого исходила инициатива. Повторяю: все прочее затронет людей, которых вовсе незачем вмешивать в эту историю.

— Профессор, я все же вынужден настаивать. Этот посред-

ник, пока не обнаружен, серьезно угрожает безопасности. Я просто обязан просить, чтобы вы сказали, кто он.

– М-м-м... он... это человек крайне левых взглядов.

– Это само собой разумеется. И так?..

Оппи глубоко затаился, надеясь, что это поможет ему хоть немного успокоиться.

– Прошу прощения, – сказал он, – но я считаю, что это грязный трюк. И что вы пытаетесь привязать к делу человека, который – доллар против окурка! – никакой опасности представлять просто не может.

– При всем уважении, вы не компетентны об этом судить.

Оппи промолчал.

– Профессор?.. – Никогда прежде название собственной должности не звучало для него столь издевательски.

Оппи вздохнул:

– Он преподает в Беркли, но не имеет отношения к нашему проекту. Вот, собственно, все, что я могу сказать.

– И он обращался к троим ученым одновременно?

Трое ученых. Вот же черт... Он *сам* это сказал.

– Нет, нет. – Остается хвататься за соломинку. – Эти разговоры происходили с интервалом в несколько недель, и никто из них при разговорах с кем-то другим не присутствовал.

Паш выразительно поднял указательный палец.

– Послушайте, Роберт, – вы позволите называть вас так? – послушайте, Роберт, без вашей помощи нам придется потратить очень много времени и сил на вычисление этого посред-

ника. И вы, конечно, понимаете, что мы из кожи вон вылезем, но его отыщем – дело-то очень серьезное. Итак, повторяю: вы согласитесь назвать имя этого человека?

– Он и сам считал этот путь ошибочным. И сомневаюсь, что он был согласен с ним. – Оппенгеймер почувствовал, что к нему возвращаются силы. – Даже более того: я знаю это.

– Все же послушайте, профессор...

– Нет, это *вы* послушайте, – перебил Оппи, и слова хлынули потоком. – Вам же известно, что между двумя союзниками, русскими и Соединенными Штатами, очень непростые отношения. И все же, хотя официальная политика нашего правительства направлена на сотрудничество с Россией, очень много секретной информации, например о радарх и многом другом, к ним не поступает. Но они там сражаются за свою жизнь – ежедневно на Восточном фронте гибнут тысячи их парней, – и, конечно, хоть некоторые сведения о том, чем мы, в Америке, занимаемся, воодушевили бы их. И предложение подразумевало всего лишь... исправление дефектов в работе наших официальных каналов. Несомненно, все это происходит из-за того, что в Госдепе пара каких-то парней блокирует здравые инициативы. Понимаете? Вот в какой форме это представлялось при беседах.

Паш скорчил недоверчивую мину, но промолчал.

Оппи страстно хотел избавиться от нервного повизгивания и говорить нормально.

– Конечно, если бы речь шла о том, чтобы предоставить

информацию нацистам, все предстало бы в совсем ином цвете...

– Не в моей картине, – возразил Паш.

– ...но я уверен, что даже при таком подходе все, к кому обращались с этим предложением, единодушно решили, что никаких приватных связей с русскими быть не должно. Никто и ни за что не дал бы Элтонону того, чем он интересовался. Это было бы государственной изменой.

– Вне всякого сомнения, – сказал Паш. – Я, конечно, не настаиваю, но...

– *Вы* настаиваете... и этого требует ваш долг. И я тоже очень серьезно отношусь к *моему* долгу. Я несу ответственность за все происходящее в Пункте У, и могу заверить, что все, что касается секретности, там в стопроцентном порядке. Это доподлинная правда. – Оппи указал на Леконт-холл, где находился кабинет Лоуренса. – А здесь таким порядком похвастаться не могут; поэтому мне пришлось беседовать с Луманицем. И пусть меня расстреляют, если я не справляюсь со своими обязанностями.

Паш сделал еще одну пометку в блокноте.

– О, сомневаюсь, что дойдет до таких крайностей.

Глава 7

[Оппенгеймер], насколько я его знал, был мягким и мудрым человеком, преданным другом, воплощением благородства, неутомимым исследователем, гуманистом, обладателем вольного духа, правдолюбом, борцом за справедливость, его глубоко волновала проблема благосостояния населения, эмоционально и интеллектуально он предан идеалам социалистического общества.

Хокон Шевалье

– Спасибо, что зашли, Роберт. присаживайтесь.

– Всегда к вашим услугам, генерал.

У Лесли Гровза был в Лос-Аламосе собственный кабинет, которым он пользовался во время своих частых визитов из Вашингтона. На одной стене там висел портрет президента Рузвельта, другую стену почти полностью занимала карта мира в меркаторской проекции, а на столе стояла фотография, повернутая так, что Оппи хорошо видел жену генерала с сыном, тезкой отца, двадцати лет от роду, и пятнадцатилетней дочерью.

– Роберт, вы знаете, что я доверяю вам и целиком и полностью полагаюсь на вас.

– Благодарю вас, генерал.

– Мне представляется, что вам известно: далеко не все бы-

ли согласны с моим выбором, когда я решил назначить вас директором этого научного центра. Вы, конечно, понимаете, что имелись в виду... ваши прежние знакомства.

Оппи знал об этом даже подробнее. В его послужном списке не было ни одной руководящей должности, он даже не был деканом факультета и не заведовал хотя бы кафедрой. И его назначение руководителем Лос-Аламоса не на шутку поразило многих. Один из его коллег по Беркли заявил, что лично он не доверил бы Оппи даже киоск с гамбургерами.

– Да, я слышал об этом.

– Но я с самого начала был уверен в своей правоте, – продолжал Гровз, – и сейчас остаюсь при прежнем мнении. Вы как нельзя лучше годитесь для этой работы. – Он хихикнул. – Только не пересказывайте мои слова полковнику Николсу: он считает меня очень скупым на похвалу, – он сделал небольшую паузу, которая явно должна была подчеркнуть финал фразы, который Гровз произнес обычным грубоватым тоном, – для подчиненных.

– Благодарю, – сухо ответил Оппи; генерал недвусмысленно обозначил границы.

– Знаете, мы с вами впервые встретились пятнадцать месяцев назад, и смотрите, чего мы достигли. – Он широко развел руки в стороны, определенно подразумевая изменившееся за последний год плато.

– Это великолепно.

– И за все это время, Роберт, я ни разу ничего не прика-

зывал вам. Вы и сами это знаете.

Генерал, сын армейского пресвитерианского капеллана, никогда не курил, и Оппи, уважая его привычки, старался воздерживаться от курения в его присутствии, но сейчас ему все сильнее хотелось курить.

– Это правда.

– Прошу вас, Роберт, не заставляйте меня делать это сейчас. Прошу вас по-человечески. Нам необходимо знать имя того посредника, о котором вы говорили лейтенанту Джонсону и полковнику Пашу. Люди полковника изо всех сил роют землю и составили список вероятных кандидатур. Я дам вам этот список и очень надеюсь, что вы отметите в нем того человека, который наводил справки от имени Элтентона. – Он повернул лежавший перед ним лист бумаги и подвинул его через стол к сидевшему напротив Оппенгеймеру.

Первым там значился Джозеф Вейнберг, один из лучших студентов, которые когда-либо учились у Оппи, далее следовали еще восемь имен, по одному на строчке. Все коллеги-физики. Оппи поднял глаза от списка:

– Генерал, говоря по совести, я просто не могу этого сделать.

– Роберт, прошу вас как друга.

– Я и отвечаю как друг.

– Что ж, ладно. – Гровз тяжело вздохнул и повторил громче: – Ладно. – Он посмотрел в глаза Оппи. – Доктор Оппенгеймер, приказываю вам назвать это имя.

Оппи закрыл глаза и тоже вздохнул. Хок, как он хорошо знал, читал и перечитывал Гюго в оригинале, по-французски. Нельзя допустить, чтобы в эту нехорошую историю оказался втянут непричастный человек. Хок не может не понять этого.

– Шевалье, – негромко выговорил он.

– Кто? – рявкнул Гровз.

– Хокон Шевалье.

Гровз резко подвинул к себе листок и быстро схватил авторучку.

– Произнесите по буквам.

Он медленно и четко произнес имя и фамилию, и генерал записал их печатными буквами.

– В первый раз слышу.

– Он не имеет отношения к точным наукам. Он преподает французскую литературу.

– Вот оно как... – протянул Гровз. – Неудивительно, что его не могли найти.

– Кроме того, – добавил Роберт, – он уволился из университета. Честно говоря, мне неизвестно, где он сейчас живет, но я уверен, что он против всего этого.

– Шевалье... – прочитал вслух Гровз. – Значит, он не американец?

– Вообще-то, он родился в Нью-Джерси.

– Отлично.

– Чем же?

– Американский гражданин, – пояснил Гровз. – И, значит, американская юрисдикция.

Желудок Оппи резануло болезненным спазмом. Он поднялся со стула. Генерал взглянул на него снизу вверх с некоторым удивлением, а потом рывкнул:

– Можете идти! – лишний раз повернув нож в ране.

* * *

На следующей неделе Оппи получил письмо, адресованное, как и вся почта обитателей Горы, на п/я 1663, Санта-Фе, Нью-Мексико. Поверх трехцентовой марки стоял нью-йоркский штемпель. Конверт, как всегда, был вскрыт.

Внутри лежали два машинописных листка. Оппи вынул их, развернул, и у него сердце екнуло в груди. Письмо было от Хокона Шевалье и начиналось словами: «Дорогой Оппи». Так, на голландский манер, его называли, когда он, двадцатичетырехлетний, провел семестр в Лейденском университете, а его старый друг старательно осваивал голландское произношение.

Пребываешь ли ты все еще в этом мире? Нет-нет, я знаю, что у тебя все в порядке, чего не могу с уверенностью сказать о себе. Скорее, напротив, у меня серьезные неприятности. Такое впечатление, что из-под меня выбили опору и я одиноко болтаюсь в пространстве без друзей, связей, без надежды, без

будущего, с одним лишь прошлым – какое оно есть. Я на грани отчаяния, и в этой обстановке часто думаю о тебе и жалею, что мы не можем встретиться и поговорить.

Первой из неприятностей, гнетущих Хокона, был непрекращающийся разлад с Барб. А что касается второй...

Хок определенно не имеет представления о причинах того, что с ним происходило. Знай он, откуда пошла вонь, тон был бы совсем другим, он, как подобает профессору французской литературы, кричал бы: «*J'accuse...!*»¹⁵ Но по письму он представлялся совершенно растерянным и брошенным. Шевалье писал, что взял творческий отпуск и отправился в Нью-Йорк, рассчитывая поработать переводчиком в Управлении военной информации. Он три месяца проторчал в Большом яблоке, ожидая, когда же закончится проверка для допуска к секретности – вообще-то, совершенно рутинная процедура, – и в конце концов получил отказ, причины которого никто не пожелал ему объяснить толком. За это время, сидя без работы, он истратил значительную часть своих сбережений. Завершалось письмо такими словами:

Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо; потому и не пишу больше и подробнее. Хотелось бы услышать от тебя, можешь ли ты в эти дни, когда, похоже,

¹⁵ «*J'accuse...!*» – «Я обвиняю» – статья французского писателя Эмиля Золя, в которой он доказывал необоснованность обвинения в государственной измене, которое было предъявлено капитану Альфреду Дрейфусу, и пристрастность суда, приговорившего его к пожизненному заключению.

идет деперсонализация человечества, найти время для одного отдельно взятого человека.

Затем следовала подпись — одно только имя, написанное с характерным наклоном влево, который всегда забавлял Роберта, но сегодня не вызвал обычной улыбки.

Оппи решил, что кислая горечь, стоящая в горле, как раз и есть вкус вины. Дрожащей рукой он отложил страницу, подумав, что наверняка Пир де Сильва, получивший указания от Бориса Паша, с иезуитским *Schadenfreude*¹⁶ отправил адресату это письмо, не вычеркнув ни единого слова.

¹⁶ Schadenfreude (нем.) — злорадство.

Глава 8

1944

Я хотела жить и отдавать, но почему-то не имела физических и душевных сил для этого. Я думаю, что всю свою жизнь была лишь обузой... по крайней мере, я способна избавить воюющий мир от бремени парализованной души.

Джин Тэтлок

– Доктор, вы не могли бы уделить мне несколько минут?

Оппи гордился способностью безошибочно узнавать по голосам всех, с кем был хотя бы мало-мальски знаком, и от этого сочного, даже слегка маслянистого голоса у него кольнуло под ложечкой. Он повернулся на своем вращающемся кресле:

– Конечно, капитан де Сильва.

Пир де Сильва гордился тем, что был единственным в Лос-Аламосе выпускником Вест-Пойнтской военной академии. При этом он пользовался единодушной неприязнью ученых, так как занимался цензурой всей их переписки, а также конфисковал все личные фотоаппараты. Он был совсем молод, всего лет двадцати пяти, но пытался строить из себя выдавшего виды циника на полвека старше и относился к числу тех людей, которые во всем подозревают оскорб-

ление для себя. Однажды он ворвался на совещание руководителей научных групп, чтобы пожаловаться на молодого инженера, который дерзко сел на край его стола. Возможно, Оппи не следовало говорить с ним таким тоном, каким он общался с худшими из своих студентов, тупыми неучами, которые на деле показывали, что такое явление, как глупые вопросы, действительно существует. Он язвительно бросил: «В этой лаборатории кому угодно можно сидеть на любом столе – вашем, моем, *чьем угодно*».

Но сейчас, глядя на де Сильву, Оппи заметил в его поведении нечто необычное. Он как-то странно повернул лицо – красивое, но обычно безжизненное, как у римской статуи, – а руки держал за спиной, вероятно, сцепив, как будто хотел придать своему поведению видимость непринужденности.

– У меня... новости, – сказал он, и Оппи отметил коротенькую паузу там, где должно было стоять прилагательное – хорошие, плохие? – вымаранное широким черным маркером цензора.

– И если вы поделитесь ими со мною, – ответил Оппенгеймер со столь же деланой веселостью, – новости будут у нас обоих.

– Это о вашей... – Молодой человек поспешно оборвал начатую фразу и начал сначала: – Это касается мисс Тэтлок.

Сердце Оппи резко заколотилось. Он знал, что служба безопасности осведомлена о его отношениях с Джин, что им известно, кто она такая, что она состояла, а может быть, и

сейчас состоит в Коммунистической партии, и, конечно, о том, что семь месяцев назад, уехав без разрешения в Сан-Франциско, он провел с нею ночь. Здесь, на Горе, много играли в покер, но Роберт редко присоединялся к игре, сознавая, что его пристально изучают.

– И?.. – самым легким тоном, на какой был способен, спросил он.

– Я подумал, что вам нужно это знать, – продолжил де Сильва. – Мне очень жаль, но она умерла.

В первый миг Оппи решил, что это какой-то злой розыгрыш, проверка, чтобы увидеть... что увидеть? Спровоцировать его на еще одно нарушение режима секретности? Нет, такого не может быть. Ему непременно сообщили бы об этом общие знакомые, например Серберы, или даже ее отец Джон, ставший уже почетным профессором.

– Сообщение поступило только что, – сказал де Сильва, разглядев в глазах Роберта подозрение. – Увы, сэр, это правда.

Новость сообщил де Сильва, а это означало, что она была получена в результате слежки. Неужели ее телефон прослушивался? И если это так, то, вероятнее всего, по приказу этого подонка Паша из-за его последнего свидания – последнего в жизни свидания, как теперь оказалось, – с нею в июне? Оппи обмяк в кресле. Джин было всего двадцать девять, и она была вполне здорова физически. Значит, произошло что-то вроде автомобильной аварии или...

Вполне *физически* здорова...

– Она... это был какой-то несчастный случай?

– К несчастью, сэр, она покончила с собою.

Руки и ноги Оппенгеймера будто отнялись, все перед глазами расплылось.

– Расскажите... расскажите мне подробности, – сказал он, доставая из помятой пачки «Честерфилда» сигарету, и зажег ее.

– Судя по всему, она обещала вечером позвонить отцу, но так и не сделала этого. Утром он приехал к ней, но ему пришлось лезть в комнату через окно. Он нашел ее тело в ванне.

Роберт выдохнул дым и проводил взглядом поднимавшееся к потолку облачко. В мозгу бурлили мысли – и незавершенные, и уже оформившиеся в слова. В прошлом году он заплатил пятнадцать центов и посмотрел здесь, на базе, новое кино под названием «Касабланка»; он отлично понимал, что в нынешнем безумном мире судьбы двух маленьких людей не стоят и горстки бобов. Но, как ни крути, он бросил ее, переехав в Лос-Аламос; с тех пор они лишь однажды встретились – тогда, тайком, ночью. Неужели его уход – его пренебрежение своим долгом – привел эту взбалмошную, полную противоречий женщину, единственную женщину, которую он по-настоящему любил, к самоубийству?

Сердце ощущалось в груди грубо смятым пакетом из крафт-бумаги и при каждом движении больно царапало

внутри. Естественно, он не мог сказать об этом несчастье Китти, но ему было остро необходимо поговорить хоть с кем-нибудь.

– Скажите, капитан, умеете ли вы хранить тайны так же хорошо, как и раскрывать их? – Де Сильва открыл было рот, но Оппи вскинул руку с зажатой в пальцах сигаретой. – Нет, я вовсе не ожидаю от вас ответа. Но позвольте сказать вам кое-что. Мисс Тэтлок... Джин... изумительная девушка. Мы с нею были знакомы много лет, дважды чуть не поженились, но... – Оппи осекся, с изумлением почувствовав, что у него перехватило горло, и это был не обычный приступ кашля, свойственного очень многим курильщикам; можно было подумать, что сама его натура протестует против того, чтобы эти слова прозвучали вслух. – Оба раза она... она отказывалась чуть ли не в самый последний момент.

Вот и все, что он мог сказать, а кое о чем лучше умолчать – о том, что касается ее... или его самого. Она отказывалась, потому что понимала, что все очень сложно. И все же у них было так много общего – вкусы, интересы. И он не мог бы обвинять кого-то другого в неопределенности, в неуверенности в себе – потому что и сам был таким – одновременно и *тем*, и *этим*.

– Соболезную вам, – сказал де Сильва, и Оппи счел возможным поверить в его искренность.

– Она хотела увидеться со мною перед тем, как я переехал сюда, – продолжал Оппи, – но я не смог тогда выкроить вре-

мя. Лишь три месяца назад я...

– Да, – мягким голосом вставил де Сильва, – я знаю.

– Конечно, вы знаете, – ответил Оппи и светски кивнул. – Я всей душой предан ей. Ну, и вы, конечно, знаете и о том, что и после моей женитьбы на Китти мы с нею состоим... – Он умолк, перевел дыхание и поправился: – Состояли в интимных отношениях.

Какие сдержанные, точно подобранные слова, думал Оппи. Почему нельзя просто *сказать* все громко и ясно? Он любил Джин, любил ее гибкий ум, любил ее страстные убеждения, любил ее благородную артистичную душу, любил...

Он с изумлением почувствовал, что его щеки мокры, и поднял руку, чтобы вытереть слезы. Но на смену им тут же набежали новые, и больше, чем прежде.

– Извините.

– Вам не за что извиняться, – почти ласково сказал де Сильва.

Нет, было за что. Он подвел ее. Он ведь хорошо знал о ее приступах депрессии. Они часто говорили о них, и он не раз отговаривал ее, отводя от края пропасти, даже рассказал ей о том, как однажды летом 1926 года подумывал покончить с собой, когда родители увезли его в Бретань после катастрофически неудачного в социальном и научном плане, как ему двадцатидвухлетнему казалось, года, проведенного в кембриджской Кавендишской лаборатории. И все же, несмотря на его искренность, несмотря на его поддержку,

несмотря на его любовь, Джин ушла.

Она познакомила его с поэзией Джона Донна, цитируя стихи по памяти. «Сокруши мое сердце, триединый Господь», говорила она, и теперь он знал, что она на самом деле имела в виду, и Троица, в которую он не верил, погружала его в скорбь, которая, он был уверен, пребудет вовеки.

– Ну, – сказал де Сильва – суровый солдат, непривычный к эмоциональным излияниям, – не буду дальше отвлекать вас от работы. Еще раз, доктор: примите мои соболезнования.

– Благодарю вас, – ответил Оппи.

Де Сильва вышел, деликатно закрыв за собой простую, без всяких табличек, деревянную дверь.

Теперь можно было свободно лить слезы. Он редко обращал внимание на свой хронический кашель, но его сочетание с всхлипыванием и начавшимся насморком оказалось мучительным, а руки никак не могли справиться с серебряной зажигалкой – Оппи никак не удавалось поднести дрожащей рукой язычок пламени к кончику сигареты. Он развернулся в кресле, чтобы посмотреть в окно, но там все было затянуто темным маревом, как в ливень, хотя небо было безоблачным.

В дверь постучали. Он не желал никого видеть, и поэтому промолчал. Однако дверь все же открылась, и появился Боб Сербер.

– Ты слы... – Оппи повернулся в кресле, и он умолк на полуслове, увидев его лицо с красными, опухшими глазами,

немного помолчал (его силуэт расплывался и колебался перед глазами Оппи) и осведомился: – Сделать для тебя что-нибудь? Может быть, выпить принести?

Роберт шумно втянул сопли носом и покачал головой.

– Это просто ужасно, правда?

– Она была такой... – начал Сербер, но ему не удалось подобрать удачное слово для того, чтобы охарактеризовать Джин, и он ограничился прилагательным «милая» – любимым эпитетом, который Оппи применял к самым трудноразрешимым научным проблемам. Роберт кивнул, Сербер постоял еще несколько секунд с вымученной улыбкой и вышел.

Оппи еще некоторое время сидел в кресле – ему казалось, что прошел целый час, но часы на стене отсчитали лишь пятнадцать минут – и поднялся. Его секретарша Вера, только что возвратившаяся откуда-то, где находилась во время визитов де Сильвы и Сербера, сразу увидела, что он чем-то глубоко удручен, но на ее вопрос о том, что случилось, он просто ответил, что хочет прогуляться.

Он вышел на улицу и сразу же наткнулся на Уильяма (хотя обычно его называли Диком) Парсонса, сорокадвухлетнего начальника отдела боеприпасов, являвшегося его заместителем по руководству Лос-Аламосом.

– Эй, Оппи, – окликнул его Дик, но умолк, разглядев искаженное болью лицо Роберта. Парсонс, добрый малый из военных моряков, консерватор, придерживающийся устоявшихся традиций, постоянно пребывал в контрах с бесша-

башным гражданским ученым Джорджем Кистяковски, разрабатывавшим революционный метод взрывной имплозии. Оппи был совершенно не в настроении разбираться в теоретическом конфликте и, жестом остановив Дика, прежде чем тот собрался продолжить, сказал:

– Если дело касается взрывных линз, то прав Кисти, если чего-то другого – вы.

Он пошел дальше и даже при своей неуклюжей косолапой походке чувствовал, что нетвердо держится на ногах. На замерзшей земле лежал снежок цвета *crème brûlée*. Оппи наконец-то удалось закурить сигарету; облачко, вылетавшее у него изо рта, состояло из равных долей дыма и пара. Покрытый льдом пруд Эшли смотрел в небо, как гигантский глаз, затянутый бельмом.

Он плелся к конюшням, оставшимся от Лос-Аламосской сельской школы. Там можно было нанять лошадь, но Оппи и Китти, завязанные наездники, имели собственных лошадей, которых держали там же. Он заседал четырнадцатилетнего гнедого Чико. По воскресеньям Оппи, чтобы убить свободное время, любил совершать дальние прогулки по горным дорожкам чуть ли не до восточной окраины Санта-Фе. Но сейчас он не хотел тревожить внешнюю охрану и поехал на Чико вокруг поселка, вдоль ограждавшей его изгороди из колючей проволоки. Выехать на край поселка было не так-то просто, и он сосредоточился на управлении лошадью, играл на Чико, как на музыкальном инструменте, заставляя его

ставить ноги по очереди, в строгой последовательности – так можно было безопасно преодолеть и более неровную местность.

Выйдя на дорожку, он сначала пустил Чико неторопливой рысью, потом кентером и, наконец, галопом, быстрее, быстрее, еще быстрее, проносясь вокруг поселка, как электрон по внешней орбите – нет, нет, как протон, разгоняющийся в циклотроне; с каждым кругом скорость увеличивалась, ветер развевал гриву Чико, она хлестала Оппи по щекам, выбивала слезы у него из глаз и стенания – из груди. Он заставлял коня скакать еще быстрее, и тот повиновался с ощутимым мрачным недовольством, мимо проносились скелеты тополей – как будто возможно было умчаться от боли, умчаться от совести, умчаться от любви.

Глава 9

1945

Я, пожалуй, ведущий теоретик в Америке. Это не значит — лучший. Вигнер наверняка лучше, Оппенгеймер и Теллер вряд ли уступят ему. Но я делаю больше, и говорю больше, и это тоже учитывается.

Ханс Бете, в письме матери

Шли месяцы; Оппи старательно держал эмоции при себе. Он здесь начальник, на него все смотрят. И когда он видел лицо Джин в облаках над холмом, в россыпи песчинок, заброшенных сквозняком на стол, в сновидениях, которые приходили почти каждую ночь, когда он ворочался и метался на постели, то не позволял никому увидеть свою печаль.

Дни складывались в недели, недели сливались в месяцы, его скорбь и, возможно, даже угрызения совести понемногу слабели, но он знал, что они описываются асимптотой и будут понемногу стихать, но никогда не исчезнут полностью. Итак, через пятнадцать месяцев после того, как Джин не стало, он трудился, и труд, несомненно, был лучшим из доступных ему средств. И сегодня он занимался тем, чем обычно: шел по коридорам лабораторного отдела, обнесенного собственной оградой; сюда не допускался никто из посто-

ронных, даже военная полиция. Здесь всегда стоял негромкий шум: пыхтело какое-то оборудование, подвывали насосы, стрекотали пишущие машинки и гудели голоса с акцентами разных уголков двух континентов.

И один из голосов – глубокий, рокочущий – звучал громче остальных.

– Нет, я *не* ошибаюсь!

Акцент был венгерским, голос принадлежал Эдварду Теллеру и доносился из открытой двери его кабинета, находившегося поблизости.

Сделав еще несколько шагов, Оппи услышал Ханса Бете, говорившего мягким увещательным тоном:

– Но ведь вы уже ошиблись, когда предсказывали, что в небе может вспыхнуть пожар.

В 1942 году Теллер предположил, что один-единственный взрыв бомбы с реакцией термоядерного синтеза или даже бомбы с реакцией ядерного деления может воспламенить весь водород в океанах и весь азот в атмосфере и уничтожить таким образом весь мир. После этого только-только начатые работы по созданию атомной бомбы чуть не свернули, но Бете доказал, что Теллер не учел эффект от охлаждения за счет радиоактивного излучения, который исключает возможность подобной катастрофы.

– Одна ошибка за три года! – воскликнул Теллер. – *Эти* расчеты верны.

До войны Теллер и Бете сотрудничали в разработке тео-

рии распространения ударной волны от снаряда, но Теллер злился на Оппи за то, что тот назначил главой теоретического отдела невозмутимого уроженца Страсбурга, а не его. Бете с готовностью смеялся над собой и другими, в то время как Теллер мрачнел и таил обиды.

Оппи практиковал, как кто-то выразился, «управление методом прогулки»: ходил по помещениям, чтобы видеть всех и все видели его, заглядывал в лаборатории и мастерские, проверяя, как идут дела. Так что ни Бете, ни Теллер не удивились, когда он перешагнул через порог. Теллер съехался в деревянном кресле, а Бете, который и без того был заметно выше ростом, стоял у стола, нависая над венгром.

– Но этого просто не может быть. Эдвард, разве вы не видите...

– Что случилось? – спросил Оппи, прислонившись к дверному косяку. Входя в любое помещение, он первым делом смотрел, что написано на грифельной доске. Теллер начертил у себя таблицу, озаглавленную «Идеи для оружия», в которой были столбцы «Выход» и «Способ доставки». В нижней строчке, рядом с обозначением самой большой мощности заряда, под шапкой «Способ доставки» было написано «Во дворе». Ах вот оно что: устройство такой мощности уничтожило бы всю жизнь на Земле, так что необходимости транспортировать его куда-либо перед использованием просто не было.

Серо-стальные глаза Теллера остановились на Оппи.

– Ханс думает, что я ошибся в расчетах реакции синтеза на Солнце, – сказал он таким ироническим тоном, каким прокомментировал бы какую-то совершенно очевидную глупость, например: «Ханс утверждает, что Земля плоская».

Оппи повернулся к Бете. Как-никак авторитетом по реакциям синтеза на Солнце считался именно Ханс, а не Эдвард. Бете проанализировал возможные реакции превращения водорода в гелий и занимался расчетами синтеза в углеродно-азотно-кислородном цикле, который, по его мнению, являлся основным источником производимой энергии.

– Но ведь это владения Бете, – осторожно заметил Оппи.

– Плевать! – рывкнул Теллер; его акцент сейчас был таким же заметным, как и его густые черные брови. – Я проверил всё, цифру за цифрой. Мои уравнения абсолютно верны.

Оппи почувствовал прилив раздражения. С самого начала работ Теллер настаивал на том, что они зря сосредоточились на реакции деления как основе боеприпаса. В Беркли почти три года назад, в июле 1942 года, на самом первом собрании группы, которой Оппи дал недвусмысленное название «Светила», Роберт начал свой разговор с учеными с описания разрушений, причиненных самым мощным на тот день взрывом, который произвели люди: катастрофы 1917 года в Галифаксе, когда норвежское судно на выходе из порта врезалось во французский транспорт, груженный взрывчаткой. В результате взрыва, соответствовавшего по мощности 2900 тоннам тринитротолуола, погибли 2000 и получили ра-

нения 9000 человек. Боеприпас, который они намереваются создать, сказал тогда Оппи, должен быть в два, а то и в три раза мощнее, столь ужасным, чтобы Гитлер тут же сдался, как только разрушительный потенциал нового оружия будет продемонстрирован (если, конечно, нацисты не успеют построить эту адскую штуку раньше).

Но Теллеру это показалось недостаточным. Он встал перед всеми остальными, сидевшими неровным кругом на складных стульях в зале на верхнем этаже Леконт-холла, и заявил: «Бомба на принципе деления, безусловно, возможна. Сделать ее очень даже нетрудно. В этой области есть куда более интересные проблемы».

Оппи вспомнил, как откинулся на спинку стула и, чтобы успокоиться, глубоко вдохнул свежего летнего воздуха, вливавшегося в открытую дверь балкона. Он собрал всех этих людей в Калифорнии, чтобы обменяться мыслями, но его затея вылилась в нечто наподобие выпаса стада нешрёдингерских кошек; чтобы заставить эти всеобъемлющие умы сосредоточиться на чем-то одном, требовалось приложить массу усилий и хитростей. «Например?» – спросил он.

«Об этом писал Энрико Ферми, – ответил Теллер. – Тривиальный боеприпас на принципе деления можно использовать для того, чтобы поджечь дейтерий и создать бомбу, в которой будет осуществляться реакция *синтеза*. Я кое-что посчитал. – Он ткнул пальцем в бумаги, лежавшие перед ним. – Если с помощью бомбы деления воспламенить два-

дцать шесть фунтов тяжелого жидкого водорода, взрыв синтеза будет соответствовать *миллионам* тонн ТНТ».

«Миллионам...» – негромко прошепелявил Боб Сербер.

«Совершенно верно, – ответил Теллер. – Забудьте о всякой ерунде вроде повторения Галифакской катастрофы. Это мелочь. Задумайтесь о Тунгусской загадке!»

В 1908 году в почти необитаемой части Центральной Сибири произошел загадочный взрыв, в результате которого лес оказался повален на территории в полмиллиона акров¹⁷. Первую научную экспедицию русские смогли выслать туда лишь через двадцать лет. Она не обнаружила никакого кратера от взрыва или столкновения и поэтому сделала вывод, что, вероятнее всего, падавший метеорит или комета взорвались, немного не долетев до поверхности земли. Силу воздушного взрыва они оценили в интервале от десяти до тридцати мегатонн – от десяти до тридцати миллионов тонн ТНТ.

«Помилуй бог, – сказал Оппенгеймер. – Да зачем же нужно такое оружие? Оно годится разве что для геноцида».

«Все, кто занимался геноцидом, наши враги», – провозгласил Теллер и обвел комнату взглядом. Евреем был не только он сам, но и Оппенгеймер, и Сербер, и Бете, и еще несколько человек из присутствовавших.

«Бомба реакции атомного деления, – продолжал Теллер, – это ерунда. Ее могут сделать и ваши аспиранты. А вот бомба, в которой используется ядерный синтез, способная вызвать

¹⁷ 0,5 млн. акров примерно соответствует 2000 кв. км.

такие же разрушения, как и то, что взорвалось на Тунгуске... Вот *это* задача, достойная нас!»

С тех пор Оппи всегда попустительствовал Теллеру, позволял ему разрабатывать теорию бомбы ядерного синтеза, которую венгр называл «супербомбой», тогда как все остальные занимались исключительно более практической проблемой создания бомбы деления. После переезда в Лос-Аламос Оппи также игнорировал многочисленные жалобы на то, что Теллер играет по ночам на рояле: он отказался ехать на Гору без этого – именно этого! – инструмента. Одной из разгневанных соседок Оппи сказал: «Вот если бы он играл плохо, тогда стоило бы жаловаться».

– Вот что, коллеги, – сказал Роберт, посмотрев сначала на Теллера, а потом на Бете. – Давайте не будем шуметь, ладно? И, кстати, у вас, Ханс, есть очень важная работа.

Теллер, естественно, обиделся. Он находил обиды даже там, где их вовсе не было, а уж настоящих никогда не пропускал и сейчас гневно взглянул на Оппенгеймера, но тот давно уже привык к подобным взглядам. Он вышел в коридор и отправился дальше искать пожары, которые требовалось срочно погасить.

Глава 10

*Фауст двадцатого века [Оппенгеймер] продал
душу атомной бомбе.*

Хокон Шевалье

Еще один утомительный день наконец-то подошел к концу. Оппи, который благодаря косолапости вполне уверенно чувствовал себя на кочковатой дороге, возвращался домой на Бастьюб-роу. Конечно, его нынешнее жилище не шло ни в какое сравнение с домом на Уан-Игл-хилл, но сейчас он казался очень просторным и пустым. Маленькая дочка пребывала на попечении друзей; ни Китти, ни их старшего сына Питера уже довольно давно не было в Лос-Аламосе.

Следовало ожидать, думал он, что Китти сбежит. На сей раз она выдержала целых четыре месяца; а ведь в прошлый раз, после рождения сына, она уехала уже через шесть недель. Он тогда задумывался над тем, страдают ли другие женщины... пожалуй, это можно было бы назвать послеродовой меланхолией. Как бы там ни было, тогда, в первый раз, увидев, что Китти буквально не в себе, Роберт попросил Хокона и Барб Шевалье присмотреть за Питером и увез Китти на их ранчо Перро-Кальенте. Вернуться в Беркли Китти согласилась лишь через два месяца. Если повезет, она и в этот раз восстановит нервы за примерно такое же время.

Возможно, она вернется домой завтра или к выходным.

Он каждый день надеялся, что, открыв дверь – здесь, на Горе, никто не запирает их, – увидит в доме всю свою семью, но, увы, сегодняшней вечер ничем не отличался от вчерашнего или позавчерашнего.

Он скучал по запахам еды, готовящейся в кухоньке, которую по настоянию Китти пристроили к дому. По жужжанию инерционных машинок, которые Питер запускал по линолеуму. Он скучал по запаху «Лаки страйк», которые беспрерывно курила Китти, звука, с которым она крошила лед для коктейлей, зрелища ее – стремительных, бодрых, живых, как у миниатюрного дервиша, подхлестываемого джином, – перемещений по дому.

Но сейчас все было тихо и пусто. Когда Оппи шел, его шаги разносились по всем помещениям гулким эхом, а когда сидел, как сейчас, тишина становилась настолько полной, что он слышал даже, как бьется его сердце.

Сердце. Они называли ядро сердцем атома, но атомное ядро состоит из частиц только двух видов – протонов и нейтронов. А в сердце Оппи по меньшей мере три составляющих. Первая частица воплощала его стремление к лидерству, к руководству. Возможно, думал он, оно возникло в результате кошмарного опыта, который он получил в возрасте четырнадцати лет. Родители отправили его в летний лагерь, а там мальчишки сочли его заносчивым и в отместку раздели догола, намазали член и задницу зеленкой и заперли на ночь

в кухонном леднике. Тогда он поклялся, что если вновь попадет в любое иерархическое общество, то ни за что не позволит себе оказаться среди низших.

Имелась у него также частица амбиции. Его ум был не зашорен, у него было множество интересов; как отметил генерал Гровз, он мог со знанием дела говорить о чем угодно, кроме спорта, и делать это на нескольких языках. Да, у него еще не было Нобелевской премии (пока не было), но, если его команда справится со своей задачей – если эта чертова штука сработает, – к нему придет слава превыше любой медали.

И, наконец, имелась частица...

Как бы ее назвать?

Сожаления? Вожделения?

И то и другое – и ни то, и ни другое. Джин безвозвратно ушла; пусть «Бхагавад-гита», которую Оппи открыл для себя вскоре после того, как ему перевалило за двадцать, обещала бесконечные циклы реинкарнаций, но он верил в них не более чем в планетарные эпициклы Птолемея. Да, изящное умственное построение, но не более того. Ее больше не было, и этого никак нельзя было изменить.

А Китти? Китти, которую он взял в жены вместо Джин? С которой он вроде бы как ведет семейную жизнь. Китти, женщина, которой он, как положено, должен вслух говорить, что любит ее? Как с нею?

Она вернется. Наверняка вернется. Она *должна* вернуть-

ся.

Оппи, сидевший в освещенной лишь луною через окно комнате, тяжело вздохнул. Он курил так много, что ему часто надоедало вынимать и зажигать сигареты одну за другой, и время от времени он пользовался трубкой; из нескольких лежавших набитыми на подставке он выбрал трубку «бильярд» с прямым чубуком и зажег ее деревянной спичкой, долго шипевшей в тишине. «Ореховый» табак в чашке сиял алым угольком, дым терялся в темноте.

Оппи частенько задумывался о самоубийстве и даже был близок к нему. Это случилось в кембриджской Кавендишской лаборатории; он рассказывал Джин об этом случае. Его сердце – его ядро – пребывало в состоянии фундаментальной нестабильности, и, чтобы вывести его из равновесия, во все не требовалось никаких медленных нейтронов. Он был гением, черт побери, и обладал исключительным интеллектом. Но в состоянии стресса он – приходится это признать – совершал непостижимо глупые поступки.

Осенью 1925 года куратором Оппи в Кавендишской лаборатории был Патрик Блэкетт, всего на семь лет старше Оппи, высокий, тощий, рафинированный, с чрезвычайно вытянутой головой и подбородком, выпирающим так сильно, словно предназначался для того, чтобы уравновесить перевешивающие мозги. И Роберт – в этом он мог признаться лишь самому себе, но никак не Джин и уж конечно не Китти – испытывал к нему влечение. Даже в лучшие времена Оппи был

более чем неважным экспериментатором, и, когда Блэкетт нависал над ним, он неизменно терялся и обязательно что-нибудь ронял. Звук бьющегося стекла до сих пор приводил его в смятение.

В конце концов бремя влечения к Блэкетту и обида на его причитания по поводу неумелости Оппи оказались невыносимыми. Он купил у зеленщика яблоко – Оппи покачал головой, вспоминая подробности, – медленно и тщательно нанес на кожуру цианистый калий и оставил яблоко на столе Блэкетта.

Какой смысл Оппи вложил в выбор фрукта, он не мог бы сказать ни тогда, ни сейчас, подразумевал ли он тогда стереотипный подарок от ученика учителю или тщательно завуалированный намек на запретные знания, избранные обладатели которых никогда и ни с кем ими не поделятся; вероятно, тоже и то и другое – и ни то, и ни другое. Он понял, что опоздал с половым созреванием, и оно – оно! – оказалось совсем не тем, чего он ожидал. Очень неприятно было обнаружить, что он не только интеллектual, но и в равной степени животное, движимое побуждениями, но *этому* побуждению нельзя было позволить развиваться.

И поэтому самой логичной, рациональной и необходимой мерой было бы устранить источник искушения, объект его извращенного влечения.

К счастью, кто-то из студентов заподозрил, что яблоко может быть отравлено, и предупредил Блэкетта. Отец Оп-

пи умолял кембриджское начальство не возбуждать уголовное дело и добился своего – с условием, что тот пройдет лечение у психиатра. Врач Эрнест Джонс – да, тот самый Эрнест Джонс, о котором он упомянул, когда говорил с Джин в ночь их знакомства, первый в мире англоговорящий специалист по фрейдистскому психоанализу, – поставил ему диагноз *dementia praecox*; где-то в середине прошедшего с тех пор двадцатилетия от этого термина отказались, заменив его названием «шизофрения». Джонс вскоре отказался от пациента, сказав, что «случай безнадежный» и что «дальнейший психоанализ принесет больше вреда, чем пользы», и Оппи осталось самому искать ответы в «Бхагавад-гите» и других мистических восточных текстах.

Несмотря даже на высокие гонорары и роскошную приемную Джонса, Оппи усомнился в правильности поставленного тем диагноза, однако понимал, что с ним *что-то* было и есть не так. Но усилиями воли ему удавалось обуздывать это «что-то», точно так же, как сильное ядерное взаимодействие удерживает от разбегания положительно заряженные протоны. Это самая мощная сила, известная физике; о, конечно, в процессе тщательно управляемой цепной реакции можно расколоть и ядро, но даже крупнейшие научные светила считают, что это слишком трудная задача, и предпочитают объединять меньшие ядра в более крупные – одолеть сильное взаимодействие не так-то просто.

А как насчет силы воли Оппенгеймера? Она справлялась

все хуже и хуже. Так много всего на него навалилось: давление с разных сторон и боль, долг и скорбь. Все зависело от этой лаборатории в пустыне, от работы собранных сюда ученых, от него.

Он потягивал трубку и думал о гусиной коже на голом теле, зеленке, разбитых пробирках и отравленных яблоках, о Патрике Блэкетте и Джин Тэтлок.

В конце концов он поплелся в спальню, лег, не раздеваясь, на жесткую кровать и, как саван, обернул вокруг костлявого тела тонкое покрывало.

Глава 11

Это никуда не годится. Мы разгромили нацистские армии, мы оккупировали Берлин и Пенемюнде, но инженеров-ракетчиков получила Америка. Что может быть отвратительнее и непростительнее?

*Иосиф Сталин*¹⁸

Сидя за столом в гостиничном номере высоко в Альпах, Вернер фон Браун старательно крутил ручки настройки на деревянном корпусе настольного радиоприемника, пытаясь вновь отыскать нужную станцию. Из-за того, что, как ему показалось, он услышал минуту назад, сердце бешено колотилось, но, прежде чем рассказать остальным, следовало удостовериться. Если он неправ, ошибка подтвердится вальсом, передаваемым на радиоволне, а если он прав, то все радиостанции должны передавать один и тот же текст. Толстые пальцы медленно вращали бакелитовый конус.

Треск статических разрядов.

И опять.

¹⁸ Цит. по: Tokaty Dr. «Soviet Space Technology», *Spaceflight 5 (March 1963)*: 58–64. – Наст. имя автора – Г. А. Токаев (Токати), советский ученый в области ракетостроения. В 1947 г. перебежал в Западный Берлин к англичанам, получил политическое убежище, позднее возглавил отдел авиации и космонавтики Лондонского университета. Работая в СССР, однажды сделал доклад в присутствии И. В. Сталина.

И потом: «...наш славный фюрер пал смертью храбрых сегодня днем в Берлине, сражаясь до последнего вздоха с проклятыми большевистскими ордами. Адольфу Гитлеру, величайшему лидеру, которого когда-либо знал мир, родившемуся в Австрии двадцатого апреля 1889 года, было всего пятьдесят шесть...»

Вернер обессиленно откинулся на спинку единственного в комнате стула, сосновое сиденье жалобно заскрипело под тяжестью двухсотпятидесятифунтовой¹⁹ туши. Этот широкоплечий мускулистый тридцатитрехлетний мужчина шести футов²⁰ ростом, с волосами песочного цвета и голубыми глазами, больше походил на игрока в американский футбол, чем на ведущего инженера нацистской ракетной программы, и даже недавняя травма напоминала спортивную – левая рука Вернера, сломанная в двух местах во время автомобильной аварии, была закована в тяжелый гипс и наполовину приподнята, как бы в остановленном на полпути движении *Sieg Heil*.

Фон Браун встречался с фюрером четыре раза. Первый раз в 1939 году, а последний – почти два года назад, в июле 1943-го. Как и любой, кому доводилось иметь дело с Гитлером, он чувствовал сверхъестественную харизму этого человека. Вернеру нравилось считать себя аполитичным, однако форму кавалерийского подразделения СС он носил если не с фашистской гордостью, то, по крайней мере, с определен-

¹⁹ 113,4 кг.

²⁰ 182 см.

ным восхищением ее сексуальной черной кожей и металлической отделкой.

Смерть Гитлера в этом году была неизбежна – или героически, в бою, или, случись она несколько позже, перед расстрельной командой одной из армий противостоявшего ему союза. Многие будут скорбеть о его кончине, а вот фон Браун, талантливый инженер, сразу обратил свой аналитический ум к реальной проблеме. Еще в начале января 1945 года, пять месяцев назад, он понял, что война бесповоротно проиграна, и, собрав свою группу ракетчиков, прямо заявил о близком разгроме Германии. В любом другом коллективе рейха подобное публичное заявление неизбежно повлекло бы за собой концлагерь или даже казнь, но его ракетчики были практичными людьми, хоть и витали по долгу службы мыслями в облаках.

Более того, еще в марте прошлого года сам Вернер и двое его подчиненных в курортном городке Цинновиц перебрали на вечеринке, и Вернер уже тогда позволил себе заговорить о своей растущей уверенности в том, что Германия движется к сокрушительному поражению. Это само по себе было крайней дерзостью, но он по пьяной лавочке сболтнул и нечто такое, о чем следовало бы накрепко молчать, громко воскликнув *Ist mir scheißegal* – «мне насрать» – по поводу военного применения ракет, и добавил, что его цель – это пилотируемый космический полет. Агенты Гиммлера арестовали всех троих за то, что они поставили мечты о небывалом выше во-

енного производства, и посадили на гауптвахту на неделю с лишним.

И теперь, узнав о смерти фюрера, Вернер не сомневался в том, что авторитарный режим очень скоро обрушится. Большинство нацистов было предано не Германии, а лично Гитлеру, и поэтому многие из тех, кто еще вчера приравнивал пораженческие разговоры к предательству, сейчас думают о том, как бы побыстрее и повыгоднее сдаться. Фон Браун не собирался сидеть в тюрьме и не допускал мысли о таком будущем для своих сотрудников – слишком уж ценными были их знания. Но кому из триумфаторов достанется это наследство? Какая из стран-победительниц заслуживает такого дара – ключа от дороги в космос?

Он уже говорил на эту тему со своими сотрудниками. Они договорились, что, когда придет время, сдадутся все вместе, как единая организация, и не позволят союзникам выбирать, кого нанимать на работу, а кого казнить. Они также сошлись на том, что терпеть не могут французов (а кто смог бы?), что Советы – животные и что британцы и в мирное время не смогут позволить себе столь грандиозной затеи, как Британская экспериментальная ракетная группа. Оставались американцы. Большинство ракетчиков никогда не встречали янки, и все, что они знали об этой стране, было почерпнуто из фильмов, но все немцы знали, что такое настоящий ужас, и были уверены, что любое будущее наверняка не может быть хуже.

У американцев не было Прометеев – ни одного блестя-

щего ученого или инженера, получившего огонь от богов; рейх сокрушила в порошок, словно кость в ступке аптекаря, обычная простая незамысловатая военная сила. Зато у немцев имелся Прометей, и это он – герр профессор доктор Вернер Магнус Максимилиан Фрейхерр фон Браун: его ракеты «Фау-2» летали так быстро, что звуки их взрывов слышали в Лондоне раньше, чем рев двигателей; это поистине божественный огонь! И это могущество – способность создавать самые совершенные ракеты, которые когда-либо видел мир, – спасет их всех.

Вернер встал (стул в спальне снова скрипнул, теперь от облегчения) и направился вниз, в пивную расположенной на германо-австрийской границе лыжной базы «Хаус Ингебург», где скрывался вместе со ста семьюдесятью своими сотрудниками. Несколько недель назад они спрятали свои четырнадцать тонн бумаг и чертежей в заброшенной шахте в горах Гарца, опасаясь, что эсэсовцы уничтожат их, чтобы документация не попала в руки врага. Затем они покинули ракетную базу в Пенемюнде, которую беспрепятственно бомбила авиация союзников. Здесь, в разреженном воздухе Альп, близ извилистой дороги, ведущей к месту, которое в настоящее время носит название «перевал Адольфа Гитлера», но, несомненно, скоро вернется к своему довоенному названию – Оберйох, они ждали своего часа.

Как только он вошел в пропахший дымом и шницелями пивной зал, Винер Гузель, инженер-электрик, на несколько

лет моложе фон Брауна, кинулся к нему и схватил за здоровую руку.

– *Mein Gott...* – пробормотал он, уставившись на фон Брауна широко раскрытыми глазами, и, смертельно побледнев, указал на радио. Оно не работало, но, вероятно, его выключили только что. – *Mein Gott...*

– Нельзя терять время, – сказал Вернер. – Где Дорнбергер?

Гузель указал на одну из кабинок, и Вернер направился туда. Фон Браун являлся (в определенной мере) гражданским руководителем ракетной программы, но главным лицом в ней был генерал-майор Вальтер Дорнбергер, который лично привлек к работам Вернера, несмотря на ряд неодобрительных отзывов о нем. Фон Браун ловкой дипломатией убедил Дорнбергера разместить новое предприятие по разработке и созданию ракет в Пенемюнде – месте, связанном с историей рода фон Браунов. Однако у них случались и конфликты – в основном из-за стремления Вернера к *die schöne Wissenschaft* – высокой науке, тогда как генерал был целиком и полностью сосредоточен на производстве оружия.

Дорнбергер (его редкие тщательно зачесанные волосы защищали от взглядов лысину ничуть не успешнее, чем немецкая пехота – Берлин от стремительно наступавших русских войск) сидел, повесив голову и не отрывая остановившегося взгляда от деревянной, выкрашенной в зеленый цвет столешницы.

– Генерал... – тихо сказал Вернер.

Пожилой человек, ветеран обеих мировых войн, уже второй раз становящийся свидетелем разгрома *Fatherland*, медленно поднял голову и так же медленно, с трудом сфокусировал взгляд.

– Что?

– Пора. У нас нет выбора.

Вернер ожидал возмущенных протестов, но Дорнбергер, похоже, совершенно пал духом; совершенно выжатый, он казался олицетворением поражения.

– Нет, – сказал генерал. – Это же неправда, верно? – Он дернулся было встать, вероятно, почувствовал, что у него нет сил даже на это, и жестом предложил фон Брауну сесть напротив. Вернер опустился на стул и положил руку в тяжелом гипсе на стол – чисто-белое на зеленом, точно такое же сочетание цветов, какое все они в последние недели видели на весенних Альпах.

– Насколько я знаю, вы получали донесения разведки... – мягким тоном начал Вернер.

Дорнбергер молча кивнул.

– И, – так же, без нажима, продолжил фон Браун, – там ведь может быть что-то полезное для нас, да?

Дорнбергер с видимым усилием попытался сосредоточиться.

– Да, – сказал он после паузы. – Американская часть разместилась у подножия этой самой горы.

– С какой ее стороны?

– Австрийской.

Вернер кивнул:

– Значит, завтра?

– Ja, – полушепотом сказал генерал и снова уткнулся взглядом в крашеную доску стола. – *Morgen*.

Вернер поднялся со стула. В противоположном конце зала Дитер Хузель придвинул табурет к пианино и заиграл *Deutschland lied*²¹. Остальные присутствующие собрались вокруг; там же был, как заметил Вернер, и его младший брат Магнус. Он подошел к группе. Магнус попросил Хузеля начать сначала и запел поставленным альтom мальчика из церковного хора: «*Deutschland, Deutschland über alles, Über alles in der Welt...*».

Германия, думал Вернер, никогда больше не станет превыше всего, зато он или кто-то другой вскоре поднимется на одной из его ракет действительно выше всех в мире.

Он не присоединился к хору, хотя знал, что у него, как и у всех остальных, никогда больше не будет возможности спеть этот гимн.

* * *

Случается, что самые простые вещи производят порази-

²¹ «Песнь о Германии», больше известная по словам «Германия превыше всего».

тельно сильное впечатление. Когда группа спустилась с горы, ее ожидала специально приготовленная бывшими противниками прекрасная трапеза. Вернер фон Браун с наслаждением съел все до последнего кусочка, но, очистив тарелку, поймал себя на том, что снова тянется за хлебом – ломтем, белизна которого могла соперничать с горными снегами. «Боже мой!» – он не пробовал белого хлеба целых четыре года. Он намазал ломтик сливочным маслом и откусил кусочек. После тяжелых лишений военного времени это было божественно; даже ему теперь пришлось признать, что нет более великого изобретения, чем нарезанный хлеб, по крайней мере, хлеб столь идеального оттенка, текстуры и мягкости, корочка которого приятно пружинит на зубах, а мякиш практически тает на языке.

Вместе с ним за столом пили пиво, вино и кофе и курили сигары еще две дюжины ведущих сотрудников. Но все взгляды были устремлены на его брата Магнуса.

– И что же дальше? – спросил Вернер.

Магнус поднес кружку с пивом ко рту, отхлебнул, вытер усы и продолжил:

– Я привязал к рулю велосипеда белый платок; спасибо тебе, Дитер! До подножья горы оказалось *очень* далеко, но я смог ехать почти все время. Ты, дорогой братец, со своей рукой, ни за что не справился бы. В общем, добрался я в городок, а там ни одного вражеского солдата. Когда они нужны, их не отыщешь! Я поехал искать. Множество премилень-

ких девушек; что ни говори, а насчет благотворности горного воздуха говорят правду. Тут вам и фермеры, и какой-то мальчишка допытывался, где я взял велосипед. Ну и, наконец, вижу: вот он, идет по улице. – Магнус указал на одного из троих американцев, сидевших за тем же столом.

Тот, похоже, немного понимал по-немецки.

– Да, это был я, – сказал он.

– Ja, это был он. Рядовой из сорок четвертой американской пехотной дивизии. Я подъехал ближе, поднял руки и крикнул по-английски: «Меня зовут Магнус фон Браун!»

Солдат, явно поняв, до какого момента дошел в своем повествовании немец, подхватил:

– Мой брат изобрел «Фау-2»! Мы хотим сдаться!

Тут и Магнус, и солдат рассмеялись, и Вернер, сидевший, положив загипсованную руку на покрытый скатертью стол, покачал головой. Он даже не смел надеяться, что все пройдет так просто.

– Ну, и?..

– Ну и оказалось, – продолжил Магнус, – что солдат, конечно, не знает ни моего имени, ни даже твоего, братец, зато *слышал* о «Фау-2».

Подошла официантка-баварка с полными кружками пива. Вернер допил то, что у него оставалось, и взял новую кружку.

– Мой друг, – продолжил Магнус, указав на солдата, – не силен в немецком, а я в английском. Так что пришлось...

– Ты еще скажи, что убеждал: «Мы пришли с миром», –

съехидничал Дитер Хузель, до войны от корки до корки читавший каждый номер «Удивительных историй», которые выписывал Вернер.

Магнус рассмеялся:

– Не совсем так, но, по сути, верно. Солдат повел меня в лагерь (велосипед я вел с собой), а там уже меня представили полковнику. У полковника оказался такой сильный акцент – а может быть, у меня, это ведь от точки зрения зависит, – что объясняться было совсем не просто...

– А мы все сидели тут и срали кирпичами от волнения! – снова перебил его Дитер.

– Ну, я спешил, как только мог, – ответил Магнус, – насколько позволяла вежливость. – Он поднял кружку с пивом. – Честно сознаюсь, мне пришлось выпить с полковником, и лишь после этого он отвез меня обратно на гору.

Полковник – рыжий веснушчатый человек средних лет, вероятно, ирландского происхождения – сидел во главе длинного стола.

– У нас есть список, – сказал он по-английски (Магнус, как мог, переводил его слова). – Мы называем его Черным списком. Там перечислены все ведущие немецкие ученые и инженеры, с которыми наши специалисты хотели бы пообщаться. – Он приветливо кивнул Вернеру. – Конечно, ваше имя стоит там одним из первых.

Магнус продолжал:

– Полковник сказал мне, что у них нет возможностей со-

держат такое количество военнопленных, к тому же ясно, что мы сдались по собственной воле и не собираемся убежать. Так почему бы не позволить нам устроиться вот тут, пока не придет время уходить?

«Вот тут» представляло собой роскошный особняк времен Баварского герцогства посреди торгового городка Ройт-те, захваченного американской пехотой.

Вернер отсалютовал полковнику кружкой:

– *Danke schön*²².

Полковник слегка нахмурился, явно вспоминая подходящие для ответа немецкие слова, а потом пожал плечами, явно решив, что подобрал не совсем то, что нужно, хотя и так сойдет.

– *Guten Tag*²³.

Вернер улыбнулся. Вполне сойдет.

Полковник снова перешел на английский; Магнус продолжал переводить:

– Он говорит: «Конечно, у меня были сомнения. Имя фон Браун мне знакомо, но я ожидал увидеть такого полудухлого седовласого яйцеголового типчика, а не... – он согнул руку в локте, демонстрируя молодость и спортивное телосложение Вернера, – Малыша Эбнера²⁴».

²² Большое спасибо.

²³ Добрый день.

²⁴ Малыш Эбнер – персонаж популярных в США на протяжении тридцати лет комиксов, простодушный деревенский силач-красавец.

Как только Магнус закончил переводить эту фразу коллегам, все расхохотались – они гордились Вернером и считали, что он настоящий *Wunderkind* и *Übermensch*²⁵.

– Конечно, – продолжил полковник, – дальше вами будут заниматься другие, они как раз едут сюда. Не знаю, какой прием вы встретите у них, но пока...

Когда Магнус закончил перевод, Вернер кивнул и потянулся за еще одним куском хлеба. По крайней мере, пока у него не было причин опасаться за свое будущее.

²⁵ Вундеркинд и сверхчеловек.

Глава 12

Для меня Гитлер был олицетворением зла и главным оправданием создания атомной бомбы. Теперь, когда нацистов, против которых предполагалось использовать бомбу, не стало, возникли сомнения. Эти сомнения, хоть и не находят отражения в официальных отчетах, широко обсуждаются в частных беседах.
Эмилио Сегре, нобелевский лауреат в области физики

Кровь Христова.

Возможно, для еврея это странная мысль, думал Оппи, но, с другой стороны, он ведь еврей только формально. Зато он владеет несколькими языками и, хотя для многих из тех, кто приехал сюда вместе с ним, название гор на востоке оставалось лишь красивым словосочетанием, сам он, упоминая Сангре-де-Кристо, неизменно вспоминал о буквальном переводе этих слов.

Знал он и о дебатах по поводу происхождения названия этой части Скалистых гор. Да, возможно, дело лишь в красноватом оттенке, который вершины часто приобретают на рассвете или на закате, но Оппи больше нравилась легенда, в которой слова *Sangre de Cristo* произнес, умирая, католический священник, смертельно раненный апачами где-то в этих местах.

Германия в основном населена христианами – черт возьми, теперь, после многих лет убийств, которые творили там нацисты, практически только христианами, и поэтому Оппи частенько представлял себе, что, когда атомная бомба наконец будет сброшена на один из ее городов, многие из тех, кто не погибнет сразу, будут уходить из жизни, бормоча что-то вроде молитвы. В его сознании сразу всплыл фрагмент немецкого текста: «*Blut von Christus*»²⁶.

Но этому уже не суждено случиться, огненный шар реакции атомного деления не вспыхнет над фатерландом. 30 апреля 1945 года Гитлер и его любовница покончили с собой.

Оппи знал, что его сила заключается в умении устанавливать связи, а вот без образа мертвой Джин, лежащей в ванне, который снова завладел его сознанием, он вполне мог бы обойтись. Чтобы изгнать его из мыслей, он наклонил голову, и поля его шляпы на мгновение заслонили зубчатые горы. Однако от других мыслей было не так-то легко избавиться.

Они не справились.

Он не справился.

Как накануне вечером сказал молодой Ричард Фейнман: «Черт возьми, Оппи, Гитлер был воплощением зла. В этом и был весь *смысл* этой кошмарной затеи. Вы же говорили нам – да все нам говорили, – что наша работа здесь – это ключ к разгрому нацистов».

Но в конце концов самые обычные войска пешком дошли

²⁶ Кровь Христова (нем.).

до Берлина, и может быть, лениво думал Оппи, зная об участи, постигшей Муссолини, труп которого люди, настрадавшиеся при его режиме, повесили за ноги, закидали камнями и заплевали, *Der Führer* и решил одной пулей сделать то, для чего предназначалось стоящее многие миллионы долларов устройство, которое они делали здесь – прекратить войну в Европе.

Фейнман не ошибался, и, конечно, не он один из участников Манхэттенского проекта сомневался в том, что работы следует продолжать. Лео Силард в Чикаго говорил всем и каждому, что необходимости продолжать разработку бомбы уже нет. Пусть генерал Гровз ненавидел этого венгра с несуразной головой, похожей на грушу, но Оппи любил – и, что куда важнее, уважал Лео.

Но если они будут продолжать свою работу, то целью станет Япония, а не Германия. Проучившись несколько лет в Геттингене у Макса Борна, Оппи хорошо знал Германию и владел немецким языком, а вот о Японии знал только, что там почти нет христиан, и с ее языком знаком не был. Если бомбу сбросят на Токио или Киото, никто не станет, умирая, взывать к крови Христовой. Но внезапно, в одночасье, планы убийства немцев – что было бы для американцев в некотором смысле альтруистическим предприятием, поскольку они не имели прямого отношения к европейскому театру военных действий, – перенацелились на убийство японцев, а такие действия лишь с очень большой натяжкой можно при-

равнять к мести за Перл-Харбор. Вряд ли это можно признать достойным выпускника Нью-Йоркской школы этической культуры. Вот уж поистине «Деяния прежде веры»!

Да, на Тихом океане шла жестокая война, и там каждый день гибли американские парни, да, ее нужно было завершить как можно скорее. Но ведь не имеется даже никаких подозрений на то, что джапы могут вести собственную программу по созданию атомной бомбы, а значит, нет причин опережать их своей разработкой.

Оппи еще раз задержал взгляд на горах Сангре-де-Кристо, повернул коня и шагом направился обратно к Пункту Y. Кодовое обозначение, наугад выбранное из алфавита, неожиданно оказалось подходящим – дорога здесь разветвлялась, и сейчас они ехали по новому пути. Только-только показавшееся солнце рисовало на земле его длинную черную тень, протянувшуюся, казалось, через все плоскогорье.

* * *

В том же месяце, несколько позже, Оппенгеймер уехал в Вирджинию на первое заседание Временного комитета, созданного военным министром Генри Стимсоном. Эта группа экспертов под столь удачным никому ничего не говорящим названием должна была оказывать поддержку Гарри С. Трумэну (который, будучи вице-президентом, благополучно ничего не знал о Манхэттенском проекте, а месяц назад, сме-

нив на президентском посту умершего ФДР, был вынужден разбираться и с ним) по вопросам первого применения ядерного оружия.

Лео Силард из Чикагской металлургической лаборатории пронюхал о том, что Оппи едет на Восток, хотя, конечно, не знал зачем; тем не менее он настоял на встрече. Роберт согласился; в военном министерстве ему был выделен маленький кабинет с выкрашенными в желтушный цвет стенами, которым он пользовался, когда приезжал в столицу. Он предложил Силарду сесть на поезд и приехать в Вашингтон; тот так и сделал. Один из охранявших здание военных полицейских проводил его к Оппенгеймеру.

Силард любил ходить в плаще нараспашку, что вызывало ассоциации со старомодными накидками; вообще, он отличался театральностью поведения, которую некоторые находили неуместной, но Роберту она скорее нравилась. Лео начал разговор, еще не успев повесить плащ.

– Я вам писал. Разве вы не получили мое письмо?

Оппи получил это отпечатанное на машинке послание еще в Лос-Аламосе. Силард писал, что «если гонка в производстве атомных бомб станет неизбежной, то вряд ли можно будет ожидать благоприятных перспектив для этой страны», и завершал свои рассуждения словами: «Сомневаюсь, что демонстрация своей силы путем использования атомных бомб против Японии будет разумным поступком».

Оппи кивнул:

– Я получил его.

– И ничего не ответили?

Оппи не видел никакого смысла в подписании каких-либо бумаг, определяющих его позицию, за исключением тех случаев, когда ему приходилось делать это в официальных докладах для вышестоящих: Гровза, Ванневара Буша, Стимсона или самого президента.

– У меня совершенно нет времени на переписку.

Силард хмыкнул, уселся на жесткий деревянный стул перед столом Роберта и помахал ладонью перед лицом, пытается разогнать густой табачный дым.

– Юри, Бартки и я два дня назад встретились с неким Джимми Бирнсом. Эйнштейн написал письмо и...

Оппи вскинул голову:

– Сам Эйнштейн?

– Ну ладно, ладно... Письмо написал я, а Альберт его *подписал*. Этой подписи хватило для того, чтобы нас записали на прием к новому президенту, этому Трумэну. Но когда мы пришли туда, нам подсунули... какую-то деревенщину! – Оппи слышал, что Бирнса со дня на день назначат государственным секретарем, но сообщать об этом Силарду было ни к чему. – Тем не менее, – продолжал Лео, – я пытался заставить его понять аморальность использования бомбы против японских городов. – Он покачал головой. – Но этот тип и сам не имеет морали. Он сказал, что если мы сейчас используем бомбу, то после войны будет легче давить на русских. Я

возразил, что неразумно таким образом дразнить советского медведя. Но он предпочел слушать Гровза – Гровза! – который сказал ему, что русским для создания собственной бомбы потребуется двадцать лет.

– О, они управятся гораздо раньше, – отозвался Оппи, пытаясь выдыхать дым в сторону от Силарда.

– Ну конечно же! Но этот болван Гровз уверил его, что в России нет урана. Прежде всего – почему он в этом так уверен? Кто вообще может что-то сказать наверняка о такой огромной стране? И, во-вторых, уран *есть* в Чехословакии! Нет, возразил я, если мы будем давить на Советы, они сделают бомбу уже в этом десятилетии.

– И что ответил на это Бирнс?

– У него хватило наглости заявить мне, что я должен думать о Венгрии, что я должен заботиться о том, чтобы она не осталась навечно под русской оккупацией. Венгрия? Роберт, я думаю обо всем мире! О послевоенном развитии, в котором решится, будем ли мы жить или... или все умрем.

Оппи долго смотрел на него, а потом сказал без всякого выражения:

– Атомная бомба – чушь.

Черные волосы Силарда были гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб. Сейчас густые брови взлетели чуть ли не до кромки волос.

– Как вас понимать?

– Ну, скажем так: это оружие, не имеющее военного зна-

чения. Оно может произвести сильный взрыв – очень сильный взрыв, – но для войны оно не годится.

– Как вы можете говорить такие вещи?

Оппи помахал в воздухе свободной рукой, подыскивая сравнение.

– Это примерно так же, как было с военными газами во время Великой войны: однажды люди увидели, как... насколько это оружие безнравственно, и поставили его вне закона. Но теоретическую разработку никто не запрещает, только практическое применение. Вы, конечно, понимаете, что, как только мы применим бомбу против Японии, русские поймут, что к чему.

– Наверняка поймут, и даже слишком хорошо.

Оппенгеймер не любил сарказма.

– А как теперь понимать вас?

– Они почувствуют угрозу, неужели не ясно? Конечно, мы не можем сохранить в секрете наличие у нас такой бомбы и так или иначе должны будем сообщить русским. Это разозлит их, но ни в коей мере не подвинет нам навстречу. А уж сам факт, что мы готовы использовать такую бомбу против людей... Попомните мои слова: это спровоцирует гонку атомных вооружений.

– Ну, вы, наверное, знаете, что я приехал сюда на заседание комитета.

– Конечно. Вы, Ферми, Комптон и Лоуренс как его научная часть. И, кстати, там нет ни меня, ни кого-либо еще из

тех, кто прямо...

– Лео, мы не марионетки.

– Нет, что вы. Я вовсе не имел...

– Но мы *ученые*. Не политики и тем более не политиканы. Мы не претендуем на исключительные способности решать военные или политические проблемы.

– Нет же, у нас как раз есть такие исключительные способности! Мы высокообразованные люди, мы *мыслители*! И, думаю, очень мало кто во всем мире, день за днем, уже несколько лет, размышлял только об атомной бомбе.

– О *технических* вопросах...

– Отнюдь не все мы сидим, не отрывая носов от уравнений. Вы и сами это знаете. Бор, ваш покорный слуга, да и многие другие глубоко обдумывали этические и политические следствия, которые повлечет за собой... высвобождение созданного нами чудовища.

Оппи приподнял над столом руки ладонями вниз.

– Я хочу только одного – как можно скорее увидеть завершение войны на Тихом океане.

– Как я написал в письме, войну можно закончить сегодня, завтра – как только бомба будет готова, – продемонстрировав ее в действии. *Показать* ее японцам. Пригласить их высокопоставленных представителей в отдаленный район, чтобы они собственными глазами увидели, на что эта бомба способна.

– А если она не сработает?

– Урановая бомба пушечного типа не может не сработать, и вы сами отлично знаете это. Физические...

– Да, теория неопровержима. Но все же есть шанс технической...

– Шанс! – Лео в негодовании воздел руки. – Бах! Роберт, вы ведь ждете шанса загнать шар в лузу. Вы стали таким же, как *они*. – Силард скорчил гримасу, с какой обычно говорил о Гровзе и его присных. – Вы хотите устроить свой собственный Большой взрыв. Вы хотите уничтожить этой бомбой город, чтобы весь мир узнал о вашем достижении.

Эти слова больно жгли. Два года назад Энрико Ферми, тоже работающий в металлургической лаборатории, приехав в Лос-Аламос, сказал: «Мой бог, у меня складывается впечатление, что вы тут и впрямь хотите сделать бомбу!»

– Лео, все не так.

– Не так? А в таком случае как?

– Бомба быстро и окончательно завершит войну. Если мы не пустим ее в действие, союзникам придется высаживаться в Японии, что приведет к огромным потерям с обеих сторон. – Этот довод Оппи почти ежедневно слышал от Гровза и других начальников со дня падения Берлина. Кроме того, было известно, что японцы продолжают сражаться в каждой затерянной в джунглях дыре с безумным упорством, до последнего человека.

– Как же узок ваш горизонт, Роберт... Слишком узок. Японцы уже побеждены. Вам это известно; это *всем* извест-

но. Но если бомбу используют, это столкнет камень, который наматывает на себя столько ядовитых трав, что мы все погибнем.

– Никто не будет вкладывать два миллиарда долларов в создание штуки, которая *не* предназначена для использования.

– Два миллиарда? А вот я думаю, что цена этой работе, по текущему курсу, тридцать сребреников.

Оппи прижал ладони к столу, набрал полную грудь воздуха и задержал дыхание. Посидев так несколько секунд и почувствовав, что он снова способен говорить ровным тоном, он поднялся, давая тем самым понять, что беседа окончена.

– Передайте коллегам в Чикаго мои наилучшие пожелания.

Глава 13

Китти была редкостной интриганкой. Если Китти чего-нибудь хотелось, она всегда получала желаемое. Помню, как однажды ей взбрело в голову получить степень доктора философии и как она бесстыдно заигрывала с бедным маленьким деканом биологического факультета. Диссертацию она так и не защитила. Это был всего лишь один из ее капризов. Она была насквозь фальшивой. Фальшивыми были все ее политические убеждения, все свои мысли она у кого-то позаимствовала. Если откровенно, то она одна из немногих по-настоящему дурных людей, которых я знала в своей жизни.

Джеки Оппенгеймер, невестка Роберта

Оппи шел по поселку, сдвинув на лоб шляпу, чтобы защитить глаза от яростного июньского солнца Нью-Мексико. Генерал Гровз приказал поставить на Горе новый большой транспарант: «Чей сын погибнет в последнюю минуту войны?» – спрашивала надпись над изображением распростертого на поле боя убитого американского солдата, а внизу еще более крупными буквами сообщалось: «Каждая минута на счету!»

Оппи старался взглянуть в глаза всем, кто попадался на пути, будь то ученые, солдаты, обслуга, члены семей работа-

ющих здесь людей, и кивал или улыбался. Это было очень важно для поддержания на ходу огромной машины, которой он управлял. Когда работа здесь только начиналась, все ему отвечали более или менее приветливо, но теперь поведением людей управляли по большей части расшатанные нервы, крайняя усталость и дурное настроение. Возбуждение первых дней оказалось нестойким и постепенно сходило на нет по мере того, как недели растягивались в месяцы и годы. Оппи провел здесь двадцать семь месяцев; многие другие тоже по два года с лишним.

Китти опять уехала. Нет, она не бросила его, об этом и мысли не могло быть, она покинула Гору – уже десять недель тому назад, объявив, что ей просто *необходимо* уехать. И она отправилась в Пенсильванию, в родительский дом возле Бет-лехема, взяв с собой сына Питера, которому вскоре должно было исполниться четыре. А вот их дочь, свою тезку Кэтрин, которой было всего лишь четыре месяца, не взяла. Оппи не понравилось, что ребенку дали имя в честь матери. Он всегда говорил, что у него самого первый инициал не значит ровным счетом ничего; ему дали имя Джулиус в честь отца, а это грубое нарушение еврейских традиций, запрещающих давать ребенку имя кого-то из еще живых близких. Но Китти попросила его, и, как это было на протяжении их брака с очень многими вещами, он попросту не смог отказать ей. Правда, он сразу начал называть младенца придуманным им именем Тайк, и жена вскоре подхватила его. И, конеч-

но же, Роберт – директор, босс, человек, все письма и телефонные разговоры которого перлюстрируют и прослушивают, не мог доставить работникам службы безопасности удовольствия слушать или читать, как он умоляет Китти вернуться.

Разговор с нею он помнил до единого слова.

– Гровз ни за что не позволит тебе уехать надолго, – сказал он Китти, когда та ошарашила его, заявив о своем намерении. К тому времени генерал позволял гражданским выезжать из поселка даже не каждый уик-энд или изредка брать отпуск на неделю, а уж о более продолжительных сроках и разговора быть не могло. – Ты успеешь доехать разве что до Питсбурга, и тебе уже нужно будет возвращаться.

Китти сидела, развалившись на диване, скрестив ноги, растрепанная.

– Дик сказал, что я могу оставаться там, сколько захочу.

Дик. Помилуй бог, даже он сам никогда не называл генерала по имени. Оппи подумал было, что такая фамильярность могла бы служить намеком на способ, каким его жена получила разрешение на неограниченный отпуск, но ведь Гровз и на самом деле был в жизни строгим, морально стойким пуританином. Возможно, он просто решил, что, если здесь какое-то время не будет несдержанной – и сумасбродной – Китти, многим здесь станет легче жить, или счел, что отсутствие одного, пусть даже бывшего, коммуниста укрепит безопасность.

– Он отпустил тебя? – повторил Оппи, пытаясь разобраться в происходящем

– Ну да.

– К твоей матери?

– К обоим моим родителям.

– К твоей матери, двоюродной сестре фельдмаршала Вильгельма Кейтеля?

– *Я* не имею дела с людьми, с которыми не следует поддерживать отношения.

Вот она и Джин приплела к разговору, даже не называя ее имени. Уже пятнадцать месяцев, как та мертва, но все же постоянно присутствует в этом доме на Бастьюб-роу, который никогда в глаза не видела, каждую ночь навещает его сны и портит каждый его разговор с Китти.

– Когда ждать тебя назад? – спросил Оппи.

– Когда у меня в душе наступит покой, – ответила она, глядя в темноту за окном. – Или в мире. Не знаю, что случится раньше.

Пока что не случилось ни того, ни другого. Он запер дверь своего кабинета и вышел в июньскую ночь. Низко над горизонтом сияла Венера, богиня любви.

У Оппенгеймера не хватило бы ни времени, ни сил руководить огромной лабораторией и одновременно ухаживать за младенцем. Выход предложил местный педиатр. И во время вечернего обхода Горы по пути домой из лаборатории секции «Т», проходя мимо квартала быстровозводимых до-

мов «Сандт», он вдруг поразился очевидной, хотя и неуместной на первый взгляд необходимости присутствия здесь человека с такой специальностью. Каждый месяц в Лос-Аламосе появлялось около десятка новорожденных, что изрядно раздражало генерала Гровза; он даже просил Оппи что-нибудь сделать, чтобы прекратить это безобразие. Роберт ответил, что в его обязанности как научного руководителя, возможно, и входит быстрый разрыв, а вот со слиянием – хоть быстрым, хоть неторопливым, – если оно касается людей, он ничего поделаться не может и вообще к контролю над рождаемостью никак не причастен.

И у каждого из этих детей были оба родителя. Педиатр уговорил присмотреть за Тайк до возвращения Китти двадцатичетырехлетнюю жену физика Рубби Шерра Пэт, и малышка переехала в дом Шерров. У Пэт и Рубби уже была четырехлетняя дочь, и Пэт снова ждала ребенка. Прошлой зимой они потеряли маленького сына, и педиатр решил, что наличие еще одного младенца, за которым нужно ухаживать, поднимет ей настроение. Оппи скептически относился к этому предположению: атомы, конечно, взаимозаменяемы, а дети, бесспорно, нет, но такое положение вещей соответствовало его интересам, и поэтому он решил оставить все как есть.

Оппенгеймер взял за правило заглядывать к Шеррам дважды в неделю. Дома тоже нельзя было считать взаимозаменяемыми, невзирая даже на то, что все постройки в этой ча-

сти базы были поспешно собраны по одному проекту. Пэт изо всех сил старалась придать своему дому индивидуальность; для этого предназначались и красно-желтые коврики, купленные у индейцев пуэбло в Санта-Фе, и букетик лилий марипоза в стеклянной вазе на маленьком деревянном столике, и несколько гравюр Одюбона²⁷ в рамках. Ее супруг Рубби почти все свободное время посвящал наблюдению за птицами.

– О, смотрите, кто пришел! – воскликнула одетая в свободную желтую блузку и мешковатые слаксы Пэт, открыв дверь на его стук. Своим тоном она явно намекала, что он очень давно не навещал дочку.

Оппи указал в сторону кухни:

– Вкусно пахнет.

– Оставайтесь, поешьте, – предложила Пэт. – На вас смотреть страшно: кожа да кости.

Пэт, конечно, не первая обратила внимание на его состояние. Оппи, по общему признанию, превратился в скелет и весил всего сто пятнадцать фунтов. Гровз недавно назвал его доходягой (Роберт и не подозревал, что в словаре генерала имеется такое слово из какого-то низкопробного жаргона), а Боб Сербер на прошлой неделе, говоря о нем, прошепелявил: «Иштошшенный». Даже секретарша отругала его за то, что он живет на табаке и джине. Уже несколько меся-

²⁷ Джон Джеймс Одюбон – американский натуралист, орнитолог и художник-анималист, автор труда «Птицы Америки».

цев рядом нет Китти, полтора года с тех пор, как Джин покончила с собой, а тут еще война на Тихом океане, которую только предстоит выиграть, – и все это бремя лежит на его плечах. Не далее как сегодня военный фельдъегерь доставил ему протокол последнего заседания Временного комитета, в котором он участвовал. Там было записано: «Необходимо как можно скорее использовать бомбу против Японии».

И именно Лос-Аламос – за который он отвечал! – все тормозил. «Как можно скорее» означало: как только подчиненные Оппи закончат свою работу. Так что времени не было ни на что, кроме работы, которую нужно было выполнить.

– Не сомневаюсь, что вы готовите замечательно, – сказал он, – но я вынужден отказаться. Нужно возвращаться в кабинет.

Оппенгеймер председательствовал на заседаниях специально созданного Комитета по целям, составлявшего список японских городов, пригодных для бомбардировок. Гровз присутствовал только на первом заседании (на прочих вместо него был его заместитель, бригадный генерал Томас Фаррелл), но до Оппи дошли достоверные слухи, что Гровз пришел в ярость из-за того, что военный министр Генри Стимсон наложил категорическое вето на предложенный в качестве приоритетной цели город Киото. Стимсон с женой еще в 1926 году посетили древнюю и прекрасную бывшую столицу Японии, и теперь он решил, что Киото слишком важен для японцев с духовной точки зрения и поэтому уничтоже-

ние этого города недопустимо. А вот Оппи было безразлично, какие города уничтожать – для него все они были просто названиями на карте. Зато он очень не хотел оказаться причиной задержки.

Пэт предложила ему присесть; он согласился и тяжело вздохнул, опустившись на диван.

– Может быть, хотя бы кофе?

– Нет, спасибо, я не хочу.

– По вашему виду не скажешь. Оппи, ну, сами подумайте: что будет со всем этим хозяйством, если вы свалитесь?

Роберт пожал плечами. В таком случае его начальник Гровз и утвержденный преемник Дик Парсонс приложат все усилия, чтобы довести дело до конца, но ведь они не обладают и десятой долей необходимых знаний. Весь этот механизм сложился отнюдь не в лабораториях Секции «Т», а в голове Оппи.

– Не беспокойтесь, я в полном порядке, – сказал он.

Она с сомнением посмотрела на него, но села на стул напротив и отхлебнула из большой чашки, стоявшей на столике рядом с вазой.

– Я хочу поблагодарить вас, – сказал Оппи (эти слова он повторял каждый раз, когда бывал здесь), – за все, что вы делаете для нас.

Пэт приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, закрыла, а потом, видимо, решив, что она действительно хочет задать этот вопрос, спросила:

– Извините... Вы имеете представление, когда можно ждать возвращения миссис Оппенгеймер?

– Скоро, – ответил он и добавил, пожав плечами: – Полагаю.

Она поерзала на стуле. На ее лице было выражение, которое Оппи видел у большинства жителей Лос-Аламоса: есть работа, которую необходимо выполнить любой ценой, а личные чувства следует отбросить; в нынешней обстановке даже гражданские должны сражаться. Он посмотрел в окно, выходящее на восток. От здания протянулась длинная тень, а в окне соседнего дома отразился сверкающий шар, похожий на второе солнце. Он не мог обсуждать свою работу даже со своей женой, тем более с Пэт, но почему бы не поболтать несколько минут?

– Вы слышали сегодня Трумэна по радио? – спросил он. – Честно говоря, я совершенно не верю, что он сможет продолжить политику ФДР. Он же просто...

– Оппи! – В этих двух слогах звучало столько неодобрения, что он повернулся к хозяйке, удивленно вскинув брови. – Неужели вы не хотите взглянуть на свою дочь? Она так быстро растет!

Он открывал уже четвертую за день пачку «Честерфилда».

– Да, – сказал он, изумившись вопросу. – Конечно.

Пэт встала и через несколько секунд вернулась, держа на руках крошечную девочку, которая явно должна была с ми-

нуты на минуту уснуть. Ребенок был завернут в полотенце с броским чернильным штампом *USED*. Из-за этих четырех букв Оппи в свое время пришлось изрядно понервничать, убеждая разъяренных жен сотрудников в том, что это всего лишь аббревиатура организации, к которой формально приписан их поселок²⁸.

Пэт вручила ему дитя, смотревшее карими материнскими глазами, и Оппи, сев поудобнее, взял девочку. Она не испугалась и не заплакала, но крутила головой, оглядываясь на Пэт. На том же столике, рядом с кофейной чашкой и букетом, стояли небольшие часы.

Оппи, не сводя глаз с циферблата, держал дочь на руках и каждые пять секунд чуть заметно покачивал ее, напрягая колено. Как только секундная стрелка описала круг, он вернул ребенка Пэт. Та чуть заметно покачала головой, но взяла Тайк и легонько погладила жидкие младенческие волосы.

– Похоже, она вам симпатична, – осторожно заметил Оппи.

– Я всех детей люблю, – ответила Пэт, – ну а эта крошка – просто ангел. И, знаете, если ухаживаешь за ребенком, даже если он не твой, он все равно становится в какой-то степени родным.

– А вы не хотите удочерить ее?

²⁸ Английское слово *used* означает «использованный». Аббревиатура *USED* относится к Военно-строительному управлению США (*United States Engineer Department*).

Пэт от неожиданности открыла рот; рука, гладившая ребенка по головке, остановилась и возобновила свое умиротворяющее движение лишь после того, как Тайк протестующе всхлипнула.

– Что скажете?

– Помилуй бог, конечно, нет!

– Но вы к ней так хорошо относитесь...

– Роберт, Иисус с вами! У нее есть двое замечательных родителей. Как вы можете говорить о таком?

Замечательные родители... Одна просто отсутствует, а второй... Оппи снова уставился в окно и сделал длинную задержку.

– Потому что я не способен любить ее.

Пэт встала, отнесла ребенка в соседнюю комнату и уложила в колыбель – спать (и, наверно, чтобы девочка не слышала отцовских слов). Вернувшись, она села на то же место.

– Роберт. – Он повернулся к ней, и она продолжила: – Это... Знаете, я, пожалуй, могу вас понять. У вас *столько* дел, столько обязанностей – на вас же все держится. И вы должны заботиться обо всех нас, а не только о своей дочери. Но... послушайте, я знаю, доктор Барнетт считает, что так будет лучше всего... но я уверена, что если вы сможете выкраивать чуть побольше времени, чтобы быть с Кэтрин, то обязательно привяжетесь к ней.

Она не понимает, она *не в состоянии* понять. Хилый, болезненный Оппи никогда не дружил с другими детьми, у

него не было возможности узнать, как нужно относиться к ребенку. И кроме того, едва успеешь привязаться к кому-нибудь, как этот кто-то...

Он покачал головой, чтобы отбросить эти мысли:

– Я не из тех людей, которые способны привязаться.

– Ох, Роберт, Роберт... – Она действительно не на шутку расстроилась. – Вы хотя бы обсуждали это с миссис Оппенгеймер?

– Нет. Я решил, что лучше будет сначала выяснить ваше настроение. Каждый ребенок заслуживает того, что вы и Рабби в состоянии дать им даже среди всего этого безумия: любящей семьи. У нас это не получится.

– К сожалению... – Она прикоснулась к своему уже заметно выступающему животу. – Скоро в этом доме совсем уже не останется места и... – Она замолчала, и Оппи почувствовал, что она приняла решение и не будет искать никаких оправданий. Его предположение подтвердилось, когда она покачала головой и произнесла последнее слово: – Нет.

– Ну что ж... – Оппи, ощущая себя совершенно измотанным, поднялся с дивана. – Мне нужно идти работать.

Глава 14

*Daran habe ich gar nicht gedacht!*²⁹
Альберт Эйнштейн

Эдвард Теллер был убежден, что его уравнения солнечно-го синтеза верны и что тот же процесс, который он обнаружил на Солнце, можно использовать для создания предлагаемой им супербомбы. Он все еще отказывался верить Хансу Бете, который продолжал настаивать, что Теллер ошибается в своей трактовке механизма слияния атомов тяжелее лития в Солнце. Оппенгеймер до войны вел исследования ядер нейтронных звезд и тоже с полным основанием считался экспертом по физике звезд, но и ему самоуверенный венгр тоже не верил.

Раздраженный Оппи в конце концов уговорил Теллера оставить ему копию уравнений солнечного синтеза и отправил их с фельдъегерем единственному человеку, с которым даже вспыльчивый Эдвард не решился бы спорить: гению, который после смерти Фрейда шесть лет назад остался единственным из живых ученых, обладавшим безусловным авторитетом во всем мире, Великому старейшине физиков Альберту Эйнштейну.

Теллер сказал Оппи, что Эйнштейн наверняка по досто-

²⁹ Я о таком и не думал! (нем.)

инству оценит его гениальность.

– Если уж *Лео* смог найти у Эйнштейна пробелы, то у *меня* это тем более получится, – заявил он, скрестив руки на широкой груди. (Теллер был очень давно знаком с Силардом, таким же, как он, «марсианином».)

Оппи лишь пожал плечами; за много лет все они не раз слышали хвастливый рассказ Силарда о том, как ему дважды удалось удивить Эйнштейна. Первый раз это случилось в 1922 году, он подошел к Эйнштейну после семинара и сказал, что понял, как объяснить возможности включения случайного движения теплового равновесия в рамки феноменологической теории без использования ограничивающей атомной модели. «Это невозможно! – воскликнул Эйнштейн. – Этого просто не может быть». Однако, выслушав Силарда, знаменитый профессор согласился с его правотой. Когда Силард представил научному руководителю наскоро написанную статью на эту тему, тот сначала был недоволен, так как она не соответствовала первоначальному плану научной работы, но уже на следующий день утвердил ее как диссертацию на соискание степени доктора философии в области физики.

Еще более примечательным оказался визит, который они вместе с Юджином Вигнером (которого физики шепотом называли между собой «Старик Ананасная голова») нанесли Эйнштейну, уже обитавшему в двухэтажном коттедже на Лонг-Айленде, в июле 1939 года. Они поделились с ним сво-

ей твердой уверенностью в том, что уран, подвергнутый надлежащей бомбардировке нейтронами, должен расщепиться, высвободив мощную энергию, которую можно было бы использовать в разрушительной бомбе. «Daran habe ich gar nicht gedacht!» – сказал Эйнштейн (по словам Лео) – я о таком и не думал.

Оппи давно уже раздражало настойчивое стремление Теллера к разработке реакции синтеза; он был твердо уверен, что Эдвард будет работать *неправильно*. Он и так тратил на этого человека непозволительно много времени, позволяя Эдварду еженедельно приходить к нему в кабинет для личных бесед. Встреча один на один с научным руководителем являлась почти таким же показателем статуса, как и должность руководителя подразделения, доставшаяся Бете, чего Теллер никак не желал простить ни ему, ни Оппенгеймеру.

И вот случилось так, что солдат из военной службы безопасности принес письмо от Эйнштейна как раз во время одной из таких бесед. Теллер сидел, Оппи стоял у открытого окна. В качестве адресата рукой Эйнштейна был указан Оппенгеймер, но тот предпочитал, чтобы неприятные новости люди узнавали сами, и поэтому сразу передал Теллеру конверт, который уже был аккуратно вскрыт Пиром де Сильвой.

Глаза Теллера двинулись по тексту (не слева направо, а сверху вниз, охватывая весь лист целиком). А потом, к изумлению Оппи, обычное кислое выражение лица Теллера сменилось широкой улыбкой.

– Я же говорил! – хрипло воскликнул он и сунул листок Оппи. – Я же говорил!

Оппи взял письмо, написанное по-немецки. Эйнштейн всегда растягивал слова по горизонтали, как будто они при-тягивались вправо к какой-то невидимой массе. В письме го-ворилось не только о том, что расчеты Теллера безупречны – такое, должен был признать Оппи, он редко мог сказать лично о себе, – но и сообщалось, что Эйнштейн, подойдя к своей книжной полке и просмотрев последние номера жур-нала «Физикал ривью», заметил принципиальный недочет в выкладках главной работы Ханса Бете. Бете исходил из то-го, что температура в ядре Солнца составляет около двадца-ти миллионов градусов по Цельсию. В таком случае там дей-ствительно мог бы происходить гораздо более эффективный синтез углерода, азота и кислорода по циклу, который пред-полагал Бете. Но старое Солнце (здесь Эйнштейн в скобках иронически пояснил, что имеет в виду нашу звезду, а не сво-его двоюродного деда) было не таким массивным, как счита-ет Бете, и поэтому, вероятно, имело температуру ядра «все-го лишь» пятнадцать миллионов градусов, что могло под-держивать только неэффективный протон-протонный син-тез. Эйнштейн сказал, что Теллер в своей модели ориенти-ровался на более верное значение солнечной массы и поэто-му его теория точнее.

Оппи поднял глаза от письма. Теллер выжидательно смот-рел на него, высоко подняв брови.

– Все, как я говорил, верно?

– Да, – ответил Оппи и улыбнулся со всей возможной любезностью. – Что ж, полагаю, вас можно поздравить.

* * *

Через несколько минут Оппи вошел в лабораторию Бете.

– Ханс, я решил, что лучше будет предупредить вас заранее, пока вы еще не встретились с Теллером. Эйнштейн прислал ответ на его модель реакции синтеза.

Бете развел руками:

– Не тревожьтесь, кровопролития здесь, на Горе, не случится. Я буду великодушен к побежденному.

Оппи чиркнул спичкой, поднес огонек к трубке, пару раз пыхнул дымом и сказал:

– Не хочется вас расстраивать, но... наш любимый доктор Эйнштейн... принял сторону... нашего друга Эдварда.

– Что? Быть того не может!

Оппи взял письмо с собой. Конечно, существовал некоторый риск того, что Бете может в ярости порвать его, но теперь, после того, как был упомянут Теллер, эта вероятность становилась пренебрежимо малой.

– Читайте сами, – сказал он, протягивая собеседнику листок.

Голубые глаза Бете побежали по строчкам; высокий гладкий лоб под ежиком жестких волос нахмурился.

– *Nein*, – сказал он, – *Herr Einstein ist ein...*³⁰

– Ханс, я все же не советовал бы сразу заявлять, что он *Dummkopf*³¹.

– Но это просто невозможно!

– Не принимайте так близко к сердцу. Нам всем случается ошибаться в вычислениях.

– В вычислениях можете ошибаться *вы*, – отрезал Бете. – Теллер может допускать грубые ошибки. А я – не могу.

– Но Эйнштейн утверждает, что вы добавили Солнцу пять лишних миллионов градусов, – сказал Оппи, чуть заметно пожав плечами. – Вероятно, вы ошиблись в оценке его температуры.

– Оценки?! – возмущенно повторил Бете. – Это была не оценка! Моя теория основана на конкретном, реальном солнечном спектре. И температуру я вывел из спектров.

Оппи нахмурился:

– Вы анализировали спектры сами или поручили кому-нибудь из своих...

– Конечно, сам. Лично. В Корнелле.

– Что ж, когда война закончится, вы сможете проверить...

– Я проверю немедленно! – заявил Бете. – Попрошу кого-нибудь из коллег прислать сюда фотопластинки.

– Это не так важно...

– Вы ведь знаете, каким бывает злорадство Теллера? Нет,

³⁰ Нет, герр Эйнштейн не...

³¹ Болван.

это не просто важно, а необходимо. Если, как утверждает Эйнштейн, температура на Солнце слишком низка для синтеза углеродно-азотно-кислородного цикла, то откуда же взялись обнаруженные мною углеродные линии?

– Ну, если допустить, что они существуют...

– Оппи, они существуют! – Морщина на лбу Бете углубилась и стала поразительно похожей на дугу транспорта. – Но если Солнце всегда было таким холодным – всего пятнадцать миллионов градусов, – значит...

– Тогда в его спектрах должны быть в лучшем случае лишь следовые количества углерода, оставшегося от прото-звездной туманности, – предположил Оппи. Он задумчиво затыкнулся трубкой. – И оно никогда не могло бы производить собственный углерод.

– Совершенно верно! – поддержал его Бете.

– Так, значит, вы уверены, что видели углеродные линии... – Оппенгеймер покачал головой. – Невозможно...

– *Eppur si muove*, – провозгласил Бете, для пущего впечатления перейдя на итальянский язык.

Оппи хмыкнул. «И все-таки она вертится». Слова, которые якобы произнес Галилей после вынужденного отречения от его теории, утверждавшей, что Земля вращается вокруг Солнца. «Факты есть факты», как любит говорить Бете.

– Ладно, Ханс. Но когда получите из Корнелла ваши спектры, сначала покажите их мне, а не Эдварду. Я предпочел бы, чтобы весь этот конфликт прекратился. Ну а если вы су-

нете ему доказательства под нос, мы окажемся прямо в центре одного из его супервзрывов.

* * *

И вдруг раздался звонкий, радостный голос:

— Милый, я дома! — Дверь дома на Бастьюб-роу распахнулась, и в дом вошла Китти с чемоданом.

Чертовски прозаично. Чертовски обыденно. Как будто она всего лишь сбегала в магазин на углу за хлебом. Но ведь магазина на углу не было — во всем поселке имелось лишь два магазина, где торговали всем на свете, — а Китти отсутствовала почти три месяца. Оппенгеймер кое-что знал о ее семье — ее двоюродный дядя, немецкий фельдмаршал Вильгельм Кейтель, подписал в Берлине акт о безоговорочной капитуляции Германии, — а вот от нее самой не было ни слова.

Оппи затушил сигарету и поднялся с дивана в гостиной, чтобы направиться к входной двери, но его движение опередил несущийся навстречу Питер. Сын, отметивший четвертый день рождения вдали от отца, прибавил в росте, пожалуй, столько же, сколько его отец потерял в объёме; на прошлой неделе ему снова пришлось проделать новое отверстие в поясном ремне. Роберт хотел поднять мальчика — взял обеими руками под мышки и потянул вверх, — но у него просто не хватило сил. Питер обхватил его ноги, и он взъерошил сыну волосы.

Китти, одетая в бежевую блузку и зеленые брюки, выглядела отдохнувшей и вполне упитанной, что порадовало Оп-пи. Он надеялся, что первый вопрос жены будет о Тайк, но, конечно же, этого не случилось. Она подошла поближе, поцеловала мужа и сказала:

– Как ты насчет того, чтобы выпить?

Понимала ли она, думал он, что не годится на роль матери, когда забеременела в первый раз? Он имел в виду первый раз от *него*, хотя она рассказала ему и о своей действительно первой беременности, которая случилась, когда она была замужем за мужем номер один, музыкантом Фрэнком Рамсейером. Здешний начальник службы безопасности, Пир де Сильва, посмеялся бы над наивностью, с которой Рамсейер пытался сохранить свои мрачные секреты: он вел свой дневник зеркальным письмом, по примеру Леонардо да Винчи – писал буквы наоборот, справа налево. Китти наткнулась на него (в самом буквальном смысле; спяну ведь ничего не стоит перепутать тумбочки), взяла зеркало и – кстати, о падении в зазеркалье! – обнаружила, кем на самом деле был ее муж: наркоманом и гомосексуалистом. И от беременности, и от брака удалось избавиться в кратчайшие сроки.

Во втором и третьем замужествах детей не было. Зато Китти намеренно забеременела в самом начале романа с Оп-пи. Тогда она желала заполучить его и поэтому хотела ребенка; родился мальчик, Питер. Но теория не всегда соответствует действительности; гипотезы опровергаются отнюдь не

реже, чем подтверждаются.

«Я не из тех людей, которые привязываются». Как нейтроны в атомном ядре; о да, они держатся там целой стайкой, если их не тревожат, но ни один из них не имеет заряда, ни положительного, ни отрицательного, которые могли бы их сблизить, не имеют никакой связи, ничего обязывающего. Просто таинственная мощная сила, химическое взаимодействие, в прямом и переносном смысле, которое работает исключительно в тех случаях, когда объекты находятся в состоянии непосредственной сближенности.

Оппи отправился приготовить жене коктейль, который она просила, да заодно и себе тоже; кубики льда, почти полностью погруженные в воду, позвякивали в бокалах.

– Добро пожаловать... – сказал он, спохватился перед тем, как продолжить: «домой», поскольку вряд ли можно было считать это здание и этот поселок домом, и продолжил после еле заметной паузы: – Обратно.

Глава 15

Уверен, что, когда наступит конец света – в последнюю миллисекунду существования Земли, – последний из оставшихся людей увидит то же самое, что и мы сейчас видели.

Джордж Кистяковски

16 июля 1945 года, в 5:59 утра в отороченное серовато-розовой полоской на востоке и крошечно-черное на западе предутреннее небо взвилась ракета минутной готовности.

– Боже, как же тяжело на сердце от всех этих делишек... – пробормотал Оппи, обращаясь, конечно же, не к окружающим, а к самому себе, а затем, склонив голову набок, добавил, что таких «делишек» вообще-то никогда еще не бывало. Одной рукой он опирался на грубо отесанную дубовую балку. В тонких, почти прозрачных пальцах другой руки он держал четырехлистный клевер, который Китти подарила ему перед отъездом на испытательный полигон, которому он лично присвоил кодовое название «Тринити»³². Хотя его жена была квалифицированным ботаником, она все равно считала, что в растении-мутанте есть доля удачи.

Через тридцать секунд в бетонном бункере в десяти тысячах ярдов к югу от – неологизм, слова, соединенные вместе,

³² *Trinity (англ.)* – Троица.

как протоны в ядре, — «нулевой отметки» на пульте перед Оппи вспыхнули четыре кроваво-красных огонька. Справа от него возле рубильника, перекинув который можно прервать процесс, стоял молодой физик из Гарварда. Дело шло своим ходом, тикал электрический таймер, так что войти в историю в качестве человека, который привел в действие первую атомную бомбу, не должен был никто, а вот остановить испытание один человек все еще мог.

В Лос-Аламосе разработали две разные конструкции бомб. В первой, где использовался уран, применили простую пушечную схему, считавшуюся настолько надежной, что, как однажды сказал Оппенгеймеру Лео Силард, для нее вообще не требовалось никаких испытаний. Но, несмотря на все ухищрения, добиться эффективности в процессе деления урана-235 из урана-238 никак не получалось. Этого изотопа было все еще так мало, что пришлось разработать вторую систему, в которой вместо урана использовался плутоний; его можно было производить в сравнительно больших количествах. Эта конструкция была гораздо сложнее по устройству, и именно ее сейчас собирались испытать. Боб Сербер окрестил этот тип сферической бомбы «Толстяком» в честь персонажа, которого играл в «Мальтийском соколе» Сидни Гринстрит. В нем использовалась принципиально иная, импловивная схема детонации, усовершенствованная (по крайней мере, так казалось еще два дня назад) Джорджем Кистяковски. Но испытание макета «Толстяка»

с начинкой из обычной взрывчатки, состоявшееся утром в субботу в каньоне Пахарито, оказалось неудачным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.